

В.О. Никишин

**РИМ И ВАССАЛЬНЫЕ ЦАРИ:
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Аннотация: Статья посвящена непростым отношениям между Римом и клиентными царствами со II в. до н.э. по начало II в. н.э. Автор считает, что клиентные царства не были «буферными» государствами в современном смысле слова. В представлении Страбона и других античных авторов они являлись органичной частью Римской державы. Взаимоотношения Рима и вассальных царей строились на основе традиционных отношений патроната – клиентелы. Система клиентных царств сформировалась при Августе. Основатель Принципата в своей внутренней и внешней политике опирался на вассальных царей, многие из которых в юности жили, воспитывались и получали образование в Риме. Римские ставленники, занимавшие трон в сопредельных с империей странах, как правило, недолго удерживали власть в своих руках: обычно их свергали лидеры местных элит. Клиентные цари, правившие в пределах Римской империи, в целом неплохо справлялись со своими обязанностями: в мирное время они обеспечивали правопорядок в своих царствах, а в случае войны снабжали римские войска всем необходимым. Тем не менее, преемники Августа ликвидировали большинство клиентных царств, заменив принцип вассалитета практикой прямого управления. Эта политика осуществлялась в рамках общей тенденции усиления императорской власти. В результате к началу II в. н.э. многие клиентные цари лишились своих тронов, а их царства были превращены в провинции Римской империи.

Ключевые слова: клиентные цари, Август, Юба II, Такфаринат, Маробод, Ирод Великий, пространство цивилизации, мир варварства, Романия, Барбария.

Abstract: This article is devoted to the complicated relations between Rome and its client kingdoms from the II cent. BC up to the beginning of the II cent. AD. The author considers that the client kingdoms were not buffer states from the current viewpoint. In Strabo's and other ancient authors' consideration those kingdoms were the organic parts of the Roman Empire. Mutual relations between Rome and the client kings were created on the basis of traditional relationship of patronatus and clientela. The system of client kingdoms was formed during the rule of Augustus. The founder of Principate in the course of his internal and foreign policy leant on the vassal kings, many of whom during their youth lived, brought up and educated in Rome. The Roman henchmen who took their thrones in the neighboring states, as a rule, not for long kept the power in their hands: usually they were overthrown by the leaders of local elites. Those client kings, who ruled inside the frontiers of the Roman Empire, generally coped well with their responsibility: in peacetime they provided the rule of law in their kingdoms and in case of war supplied the Roman troops with everything necessary. Nevertheless, Augustus' successors eliminated the most of client kingdoms, having replaced the principle of vassalage by the practice of direct control. That policy was being realized as part of a general trend towards strengthening of the imperial power. As a result by the beginning of the II cent. BC many client kings lost their thrones, and their kingdoms were turned into provinces of the Roman Empire.

Keywords: client kings, Augustus, Juba II, Tacfarinas, Maroboduus, Herod the Great, area of civilization, world of barbarity, Romania, Barbaricum.

Как писал Джон Болдсон о ситуации рубежа новой эры, «если римлянин окидывал взором мир, он видел цивилизацию в Греции и – не каждый грек согласился бы с ним – в Риме (также, может быть, в далёкой Индии), и он находил её во всех тех, кто был достаточно романизирован (в некоторых случаях, как сказал бы Тацит, слишком романизирован). То были дети света; всё остальное утопало во тьме варварства»¹. Границы империи отделяли мир греко-римской средиземноморской цивилизации (*imperium Romanum*)², эту, по словам Фергюса Миллара, «сложную систему, включавшую в себя много разных географических зон, этнических групп и политических устройств»³, от мира варварства (*Barbaricum*). Впрочем, эти границы были подвижны: в перспективе пространство цивилизации могло расширяться (Вергилий сформулировал эту стратегическую парадигму как *imperium sine fine*: Verg. Aen. I.279). Как остроумно заметил Грег Вульф, «границы имперского периода являлись системами коммуникаций и развёртывания, а вовсе не пределами Римской державы, и римские писатели не считали, что войска служат лишь оборонительным целям»⁴. Немаловажными компонентами геополитического пространства под названием *imperium Romanum* на рубеже новой эры были клиентные царства, игравшие существенную роль в политике основателя Принципата – лидера, впервые в римской истории инициировавшего глубоко продуманный и целенаправленный политический курс в отношении клиентных царей. Может возникнуть вопрос: есть ли у нас основания охарактеризовать вассальные гегна как буферные государства в общепринятом смысле этого слова?

По-видимому, нет⁵. Называть их «периферийными» тоже некорректно, поскольку в античной литературной традиции не было модели «центр–периферия»; вместо неё существовала идея универса-

¹ *Balsdon J.P.V.D. Romans and Aliens. L., 1979. P. 63–64.* Здесь и далее, если не указана фамилия переводчика, перевод выполнен автором настоящей статьи.

² О понятии *imperium Romanum* см.: *Richardson J.S. Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // JRS. 1991. Vol. 81. P. 1–9.*

³ *Millar F. Rome, the Greek World, and the East // Government, Society, and Culture in the Roman Empire / Cotton H.M., Rogers G.M. (eds.). L., 2004. Vol. 2. P. 229.*

⁴ *Woolf G. Roman peace // War and Society in the Roman World. Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society / Rich J., Shipley G. (eds.). L., 1993. Vol. 5. P. 180.*

⁵ Дэвид Браунд в своей классической работе убедительно показал, что клиентные царства вовсе не являлись буферными государствами (*buffer states*) в том смысле, который имел в виду в 1920-х гг. лорд Дж. Керзон, подразумевавший под ними страны, расположенные между враждующими великими державами, разделяющие их и обеспечивающие таким образом отсутствие общих границ (*Braund D.C. Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. L., 1984. P. 91. N. 1–2*).

лизма Римской державы⁶. Характерно, что Страбон – современник Августа, при котором в общих чертах сформировалась система клиентных царств, – рассматривал вассальные *regna* как органичные части Римского государства (Strabo XVII.3.24). В те времена их общая площадь составляла примерно 10 % территории империи⁷. Следует отметить, что ситуация в пограничной зоне между Романией (*imregium Romanum*) и Барбарией (*Barbaricum*) была амбивалентной, в полной мере соответствуя традиционной римской парадигме патроната-клиентелы: общеизвестно, что патрон и клиент были связаны взаимными обязательствами⁸. Это означает, что если вассальные цари защищали империю, то и имперская администрация, в свою очередь, защищала их и в случае надобности оказывала (или не оказывала, при неблагоприятном обороте событий ограничиваясь предоставлением политического убежища изгнанному из своего царства монарху и его семье⁹) помощь войсками, оружием и деньгами. Поэтому «буферная» теория в чистом виде здесь не работает¹⁰: ведь если вассальное царство было «буфером» для Рима¹¹, то и Рим, со своей стороны, являлся «буфером» для вассального царства¹². Кроме того, клиентные *regna* не только играли роль барьера, отделявшего империю от враждебных ей воинственных соседей (германцев, парфян, сарматов и др.), но и обеспечивали взаимодействие подданных империи и варваров, проживавших по ту сторону границы¹³, – взаимодействие политическое, экономическое и

⁶ Isaac B.H. *Empire and Ideology in the Graeco-Roman World: Selected Papers*. Cambr., 2017. P. 103 ff.

⁷ Millar F. *Op. cit.* P. 230.

⁸ Braund D.C. *Rome and the Friendly King...* P. 93. Ср.: Lintott A. *Op. cit.* P. 33. N. 47.

⁹ Примеры см. ниже.

¹⁰ Brunt P.A. *Roman Imperial Themes*. Oxf., 1990. P. 299.

¹¹ На протяжении первого столетия Империи клиентные царства играли важную роль в обеспечении безопасности имперских границ (Millar F. *Op. cit.* P. 203). В надписи из Кизика, датированной 37 г. до н.э., эти государства именуются «стоящими на страже державы» (IGR. Vol. IV. 145, v. 3).

¹² Braund D.C. *Rome and the Friendly King...* P. 93.

¹³ Об античном и современном понимании того, что есть граница, см.: Whittaker C.R. *Frontiers // САН²*. 2008. Vol. XI. P. 293 ff. В настоящее время по теме римского пограничья существует обширная литература. См., напр.: Luttwak E.N. *The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third*. Baltimore, 1976; *Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the 15th International Congress of Roman Frontier Studies / Maxfield V.A., Dobson M.J. (eds.). Exeter, 1991; Kennedy D., Riley D. Rome's Desert Frontier from the Air*. L., 1990; Isaac B.H. *The Limits of Empire: The Roman Army in the East*. Oxf.; N.Y., 1990; Whittaker C.R. *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore; L., 1994; Elton H. *Frontiers of the Roman Empire*. L., 1996; Cherry D. *Frontier and Society in Roman North Africa*. Oxf., 1998; *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars / Greatrex G., Lieu S.N.C. (eds.). Part II. AD 363–630*. L.; N.Y., 2002.

культурное, выполняя, таким образом, важную посредническую функцию¹⁴.

Нельзя сказать, чтобы в республиканском Риме проводился хоть сколько-нибудь продуманный и последовательный политический курс в отношении сопредельных царств, попавших в орбиту римского политического влияния. К 1-й трети II в. до н.э. относится первый известный нам пример того, как отпрыск иноземной правящей династии прибыл в Рим с целью – или под благовидным предлогом – получения там воспитания и образования. По сообщению Ливия, в 172 г. до н.э. в Рим приехал малолетний (puer) каппадокийский царевич Ариарат, старший сын царя Ариарата IV Евсеба и Антиокиды, дочери заклятого врага Рима Антиоха III¹⁵ (Liv. XLII.19.3–6. Ср.: Diod. XXXI.19.7). Как пишет римский историк, отец «направил сына в Рим на воспитание, чтобы тот с детства привык к римским порядкам и к римлянам» (Liv. XLII.19.4. Пер. Н.Н. Трухиной). По мнению О.А. Габелко, Ариарат IV, намереваясь передать престол младшему сыну, Митридату (будущему Ариарату V), отправил старшего отпрыска в Рим, чтобы тем самым избавить

¹⁴ Концепция «естественной границы» (одним из её сторонников была Р. Сайм: *Syme R. The Northern frontier under Augustus* // САН. 1934. Vol. X. P. 353) в настоящее время является безнадежно устаревшей, равно как и теория «морального барьера» между римским миром и варварством, некогда выдвинутая А. Альфёльди (*Alföldi A. Die ethische Grenzscheide am römischen Limes* // Schweizer Beiträge zur allgemeinen Geschichte. 1950. Bd. 8. S. 37–50; *Alföldi A. The Moral Barrier on Rhine and Danube* // The Congress of Roman Frontier Studies 1949 / Birley E. (ed.). Durham, 1952. P. 1–16). На современном этапе развития антиковедения римская граница понимается не столько как рубеж (boundary), сколько как зона контактов (frontier). Например, Д. Бар характеризует границу Римской империи на Востоке как некую отдалённую и малонаселённую местность, которую ещё предстояло освоить (*Bar D. Frontier and Periphery in Late Antique Palestine* // GRBS. 2004. Vol. 44. P. 69). М. Гудман (*Goodman M. The Roman World 44 BC – AD 180. L.; N.Y., 1997. P. 106*) и Д. Браунд (*Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 95 ff.*) подчёркивают, что граница – это вовсе не строго фиксированный рубеж, некий барьер или демаркационная линия, а пограничная зона, в которой зачастую при посредничестве вассальных правителей вступали в контакт римляне и варвары (ср.: *Millar F. Rome, the Greek World, and the East... P. 202*). Для Б. Айзека (*Isaac B.H. The Meaning of the Terms Limes and Limitanei* // JRS. 1988. Vol. 78. P. 125–147) limes – это не линия укреплений, предназначенных для обороны империи от варваров, а пограничный район с развитой сетью коммунаций и смешанным населением. Наконец, Ч. Уиттакер (*Whittaker C.R. Rome and its Frontiers: The Dynamics of Empire. N.Y., 2004. P. 5 ff.*) выдвинул и обосновал концепцию «открытых границ», согласно которой границы Римской империи представляли собой вовсе не сплошные оборонительные рубежи, а маркированные естественными преградами (реками и горными хребтами) зоны социального, экономического и культурного взаимодействия между римлянами и варварами. В этом смысле limes был не столько укреплённым барьером для предотвращения варварских нашествий, сколько находившейся под римским контролем пограничной зоной контактов и взаимовыгодного торгового обмена (*Whittaker C.R. Rome and its Frontiers... P. 9 ff.*).

¹⁵ Таким образом, по происхождению Ариарат был наполовину перс, наполовину греко-македонянин, т.е. полуварвар.

своего любимца от потенциального конкурента¹⁶. Дальнейшая судьба старшего сына Ариарата IV неизвестна; не подлежит сомнению лишь то, что царём Каппадокии он так и не стал¹⁷.

Проживавших в Риме царских детей принято называть заложниками¹⁸. О том, что значение слова *obses* в античности кардинально отличалось от современного, свидетельствует, как минимум, следующее обстоятельство: августейшие «заложники», как правило, не испытывали особых стеснений в плане свободы передвижения, встречались в высших кругах римского общества, завязывая полезные знакомства, которые могли пригодиться в будущем¹⁹, посещали школы вместе с представителями римской знати, изучали греческий и латынь²⁰. Как писал во времена Траяна Ювенал, «только взгляни, что делают связи: заложником прибыл – здесь человеком стал» (*aspice quid faciant commercia: venerat obses, hic fiunt homines*) (*Iuv. Sat. II.166–167*. Пер. Д.С. Недовича). Одним из таких заложников был Деметрий, младший сын македонского царя Филиппа V, отправленный в Рим после поражения своего отца во Второй Македонской войне (*Polyb. XVIII.39.5; Liv. XXXIII.13.14; Plut. Flam. 9*). В 191 г. до н.э., проведя в Риме пять лет, Деметрий вернулся на родину (*Polyb. XXI.2.3; Liv. XXXVI.35.13; App. Maced. 9.5; Syr. 20*). Годы, проведённые в Вечном городе, не прошли для царевича бесследно: видевшие во вчерашнем заложнике будущего царя Македонии сенаторы не сомневались в преданности Деметрия интересам Рима (*Liv. XXXIX.47.10*). В дальнейшем явные знаки благоволения, которые сенат выказывал своему протеже, его же и погубили²¹ (*Liv. XXXIX.48.1*).

Впрочем, члены эллинистических династий, судя по всему, не очень-то поддавались романизации, хотя порой их пребывание в Риме затягивалось на долгие годы. Так, после поражения, понесённого Антиохом III в войне с римлянами, в Италию в качестве заложника отправился сперва его младший сын Антиох (будущий Антиох IV Эпифан²², см.: *Liv. XLII.6.9; XLIV.19.8; Per. 41*), а затем сме-

¹⁶ Габелко О.А. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // АМА. 2009. Вып. 13. С. 107–108.

¹⁷ См. Габелко О.А. Указ. соч. С. 108. Прим. 76.

¹⁸ Нередко правители вассальных царств в целях обеспечения собственной безопасности отправляли своих родственников в качестве заложников сразу в два лагеря, как поступил, к примеру, царь Адиабены Изат: некоторых членов своей династии вместе с их семьями он отправил в Рим, других – в Парфию (*Ios. Al. XX.2.4*).

¹⁹ Braund D.C. *Rome and the Friendly King...* P. 9–10.

²⁰ Matthews J. *Hostages, Philosophers, Pilgrims and the Diffusion of the Ideas in the Late Roman Mediterranean and Near East* // *Tradition and Innovation in late Antiquity* / Clover F.M., Humphreys R.S. (eds.). Madison, 1989. P. 40.

²¹ См.: Edson C.F. *Perseus and Demetrius* // *HSCPh*. 1935. Vol. 46. P. 191–202.

²² Находился в Риме в 189–178 гг. до н.э. См.: Анохин А.С. «Римское» в политике Антиоха IV Эпифана // *Человек, семья, нация в контексте мировой культуры*. Сборник докладов XXXIV Всероссийской научной конференции

нивший Антиоха его племянник Деметрий (сын Селевка IV, будущий Деметрий I Сотер. См.: 1 Макк 1.10; App. Syr. 45; Athen. X.438d). Годы, проведённые Антиохом Эпифаном в Риме (в общей сложности не менее 10 лет), где он вращался среди римской элиты (Iust. XXXIV.3.1–4), не прошли даром, и, став царём, он сохранял лояльность по отношению к Риму²³. Антиох IV, несомненно, испытал сильное влияние римской «культуры повседневности»: известно, что он любил переодеваться в тогу и, сидя в курульном кресле на агоре, вершил суд (Polyb. XXVI.1.3–5; Liv. XLI.20.1; Diod. XXIX.32.1), на досуге устраивал гладиаторские игры, приехав к кровавым зрелищам местную молодёжь (Liv. XLI.20.11–13), а в Антиохии даже выстроил храм Юпитера Капитолийского (ibid. 9).

Что касается Деметрия, то он провёл в Риме около 16 лет (178–162 гг. до н.э.) и считал себя вправе называть сыновей сенаторов «братьями», а самих сенаторов – «отцами», тем не менее, его кандидатура на престол Селевкидов не устраивала сенат, который решил поддержать двоюродного брата Деметрия, малолетнего Антиоха V Эвпатора (Polyb. XXXI.12.37–38; App. Syr. 46). Не смирившийся с таким поворотом дела Деметрий в 162 г. до н.э. с помощью своего друга, известного историка Полибия, бежал из Рима и вскоре, осуществив переворот у себя на родине, взошёл на престол (Polyb. XXXI.20.61–22.72; Athen. X.440b; Ios. AI. XII.10.1; App. Syr. 47). Характерно, что убийство легитимного правителя Антиоха V и его регента Лисия, осуществлённое по приказу Деметрия I (Ios. AI. XII.10.1; App. Syr. 47), не помешало сенату сперва признать узурпатора законным царём (Polyb. XXXII.4.8), а впоследствии поддержать притязания на власть детей Антиоха IV (Polyb. XXXIII.18.9). Здесь, как и во многих других случаях, сенат не изменял своей традиционной политике *divide et impera*. В конечном счёте Деметрий Сотер погиб в борьбе с очередным узурпатором (Ios. AI. XIII.2.4).

Дэвид Браунд предположил, что нумидийский царь Адгербал (118–112 гг. до н.э.), брат Гиемпсала I и двоюродный брат Югурты, носивший доставшийся ему по наследству от отца и деда титул *socius et amicus populi Romani* (Sall. BI. 14.2), в юности тоже жил и воспитывался в Риме²⁴. В изложении Саллюстия Адгербал обращается к сенаторам с такими словами: «Отцы-сенаторы, отец мой Миципса, умирая, велел мне помнить, что только управление Нумидийским царством поручено мне, законная же верховная власть над ним – в ваших руках; в то же время [я должен] стараться и в мирное время, и во время войны быть возможно более полезным римскому народу и видеть в вас своих родных, своих близких...» (*vos mihi cognatorum, vos affinium loco ducere*) (ibid. 1. Пер. В.О.

«Добролюбовские чтения-2010» и Всероссийской научно-практической конференции «К молодой семье через культуру» / Под ред. Дмитриевской Г.А., Строгоцкого В.М. Н. Новгород, 2010. С. 102–108.

²³ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 128.

²⁴ Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 23.

Горенштейна). Здесь напрашивается аналогия с Деметрием Сотером, который (см. выше) тоже видел в сенаторах и их отпрысках «своих родных, своих близких». Таким образом, допущение, что будущий вассальный царь Нумидии Адгербал в ранней юности какое-то время жил и воспитывался в Риме, является, на наш взгляд, вполне обоснованным.

Прошло более ста лет, возможно, самых бурных в истории Рима, и вот уже Август, утвердившись в роли властителя огромной Средиземноморской державы, взял на вооружение практику романизации отпрысков чужеземных властителей. Если в республиканскую эпоху подобных случаев было крайне мало и ни о какой продуманной политике в этом направлении говорить не приходилось, то Август начал проводить политический курс, направленный на создание целой системы зависимых от Рима клиентных монархий²⁵. Положение вассальных правителей (*servientes reges*, как их называет Тацит²⁶: Tac. Hist. II.81.1) по отношению к Риму представляло собой своего рода клиентелу (*clientela*)²⁷, мало чем отличавшуюся от политического рабства (*servitus*)²⁸. Недаром Тацит в «Агриколе» называет царей-клиентов «орудиями рабства» (*instrumenta servitutis*) (Tac. Agr. 14.2). Как пишет об Августе Светоний, «царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими²⁹» (Suet. Aug. 48. Здесь и далее цит. в пер. М.Л. Гаспарова). Характерно, что император отнюдь не принуждал облечённых властью родителей присылать своих сыновей в Рим: инициатива всегда исходила от самих царей³⁰. Несомненно, Август рассчитывал в дальнейшем сделать из этих людей проводников политического и культурного влияния Рима в ряде сопредельных и/или подконтрольных Риму стран. В последние десятилетия I в. до н.э. «проект Августа» начал активно воплощаться в жизнь, причём в самых разных регионах: в Северной Африке и Парфии, за Рейном и на Дунае, в Южном Причерноморье и Иудее.

²⁵ Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 10.

²⁶ Только в сохранившихся книгах «Анналов» упоминается около 30 клиентных царей. См.: Gowing A.M. Tacitus and the Client Kings // TAPhA. 1990. Vol. 120. P. 316.

²⁷ Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxf., 1979. P. 135. N. 2.

²⁸ Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 23.

²⁹ Некоторых из вассальных царей Август не забыл и в своём завещании (Dio Cass. LVI.32.2).

³⁰ Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 12.

В Северной Африке правителем вассальной Мавретании на протяжении без малого полувека был Юба II – один из наиболее колоритных персонажей в длинной череде вассальных царей Рима³¹. В 46 г. до н.э. малолетний царевич Юба, сын погибшего в борьбе с Цезарем нумидийского царя Юбы I, был привезён в Рим в качестве живого трофея, чтобы украсить собой африканский триумф Цезаря³² (App. BC. II.101). Но в дальнейшем оказалось, что «он попал в счастливейший плен, так как из варвара и нумидийца превратился в одного из самых учёных греческих писателей» (Plut. Caes. 55. Пер. Г.А. Стратановского и К.П. Лампсакова. Ср.: App. BC. II.101). Получив в Риме прекрасное образование³³, Юба стал «самым учёным и образованным среди царей» (Plut. Ant. 87. Пер. С.П. Маркиша). В 25 г. до н.э. Август сделал его правителем клиентного царства Мавретании³⁴ (Dio Cass. LI.15.6; LIII.26.2; Plut. Ant. 87; Strabo VI.4.2; XVII.3.7; Tac. Ann. IV.5.1). Где-то между 26 и 20 гг. до н.э. император женил своего протеже на имевшей титул царицы Киренаики Клеопатре Селене, дочери Антония и Клеопатры VII³⁵, к тому времени единственной наследнице царского дома Птолемеев.

Интеллектуал на троне, Юба II прославился своей «интернациональной литературной деятельностью»³⁶. Он был весьма плодовитым писателем. Ботаник и географ, историк и филолог, поэт и театрал, неутомимый компилятор и антиквар, Юба написал первую историю живописи (Phot. Bibl. 103a), а в своих «Подобиях» (Athen. IV.170e) сравнивал римскую и греческую терминологию. Высокую оценку его учёным трудам дал Плиний Старший (Plin. NH. V.16), а Луций

³¹ О Юбе II см.: *Никишин В.О.* Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков // Египет и сопредельные страны. 2017. Вып. 2. С. 43–59.

³² Впоследствии (когда и от кого именно, неизвестно) Юба получил права римского гражданства и имя Гай Юлий. См.: *Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 45.

³³ См.: *Roller D.W.* The World of Juba II and Kleopatra Selene: Royal scholarship on Rome's African frontier. L., 2003. P. 59–75.

³⁴ К тому времени трон Мавретании был вакантен уже на протяжении 8 лет (33–25 гг. до н.э.).

³⁵ Поистине «интернациональный» брак: этнический нумидиец, натурализовавшийся в Риме и «облагороженный» греко-римским образованием, женился на египетской царевне, дочери римлянина и греко-македонянки! Если Юба был проведён в триумфальной процессии Цезаря, то Клеопатра Селена, вошедшая в историю как Клеопатра Селена II (или Клеопатра VIII), оказалась в аналогичной роли во время александрийского триумфа Октавиана 15 августа 29 г. до н.э. (Dio Cass. LI.21.8; RGDA. 4.3). Вероятнее всего, свадьба Юбы II и Клеопатры Селены состоялась в 20/19 г. до н.э., когда были отчеканены монеты с изображением этой царственной четы. См.: *Braund D.C.* Anth. Pal. 9.235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile // *CIQ.* 1984. Vol. 34/1. P. 175. N. 2.

³⁶ *Моммзен Т.* История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. СПб., 1995. С. 459. Об учёном царе см.: *Gsell S.* Juba II, savant et écrivain // *RAfr.* 1927. Т. 68. P. 169–197. Сохранилось 104 фрагмента сочинений Юбы (*Roller D.W.* Op. cit. P. 9. N. 20).

Ампелий назвал Юбу «в высшей степени учёным мужем» (*rex literatissimus*) (Ampel. 38.2). В Кесарии Мавретанской (Strabo XVII.3.12; Eutrop. VII.10.3) заботами Юбы и Клеопатры Селены были построены театр, амфитеатр, форум, гавань, царский дворец с библиотекой, общественные бани, храмы, городские стены и система акведуков в пригородах. Царственная чета покровительствовала развитию наук и искусств³⁷. Уникальное мультикультурное явление представляла собой мавретанский царский двор, где соединились африканское, греческое и римское культурные направления³⁸.

Согласно оценке Т. Моммзена, ни Юба II (25 г. до н.э. – 23 г. н.э.), ни его сын и наследник Птолемей Филадельф (23–40 гг.), последний царь Мавретании, «не пользовались авторитетом у своих подданных и по личным своим качествам и по той причине, что были римскими ленниками»³⁹. В 5 г. против власти римлян и их ставленника, царя Юбы, восстали гетулы, недовольные притеснениями властей (Dio Cass. LV.28.3–4; Vell. II.116.2; Flor. II.31.40), поскольку с местными жителями римляне обращались, по словам Страбона, «то как с “друзьями”, то по-вражески» (Strabo XVII.3.12. Здесь и далее цит. в пер. Г.А. Стратановского). Только через год восстание с трудом подавил проконсул Африки Косс Корнелий Лентул. Движение под руководством нумидийца Такфарината (17–24 гг.) было подавлено уже после кончины Юбы (Tac. Ann. IV.23–26)⁴⁰. Прошло немногим более полутора десятилетий, и в 40 г. последний отпрыск династии Птолемеев был казнён в Риме по приказу Калигулы (Suet. Cal. 35.1)⁴¹. В 44 г. Клавдий разделил бывшее клиентное

³⁷ См.: Roller D.W. Op. cit. P. 119–162.

³⁸ См.: Desanges J. L'Hellénisme dans le royaume protégé de Maurétanie (25 avant J.-C. – 40 après J.-C.) // ВАС. N. s. 1984–1985 (1989). T. 20–21b. P. 53–61.

³⁹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 459.

⁴⁰ После смерти престарелого царя-эрудита в Мавретании его обожествили (Lactant. Fals. Rel. I.11; Min. Fel. 23), а в Афинах установили мемориальную статую (Paus. I.17.2).

⁴¹ Видимо, смехотворный повод для казни Птолемея Филадельфа (царь появился в театре в пурпурном плаще (Suet. Cal. 35.1), который, стоит отметить, он носил по праву: по сообщению Тацита (Tac. Ann. IV.26), за заслуги в подавлении восстания Такфарината в 24 г. сенат в соответствии с древним обычаем наградил Птолемея как вассального царя, «друга и союзника» Рима триумфальными украшениями (*ornamenta triumphalia*) был лишь поводом и не более того. Истинной причиной расправы с последним мавретанским царём вполне могла быть попытка внука Клеопатры VII играть более самостоятельную политическую роль, чем его отец Юба II. Теоретически последний из Птолемеев мог рассчитывать на создание крупного клиентного царства в Северной Африке, когда под его скипетром объединились бы владения его родителей – Нумидия и Мавретания, Египет и Киренаика. См.: Wardle D. Suetonius' Life of Caligula: A Commentary. Brussels, 1994. P. 270–272. Наконец, не исключено участие Птолемея Филадельфа в заговоре Гетулика в 39 г. (если этот заговор имел место на самом деле). См.: Fishwick D. The Annexation of Mauretania // Historia. 1971. Bd. 20. P. 467–487; Faur J.-C. Caligula et la Maurétanie: la fin de Ptolémée // Klio. 1973. Bd. 55. P. 249–271; Fishwick D., Shaw B.D. Ptolemy of Mauretania and the Conspiracy of Gaetulicus // Historia.

царство на две провинции – Мавретанию Цезарейскую и Мавретанию Тингитанскую. В 69 г. в условиях разразившейся в империи гражданской смуты наместник обеих мавретанских провинций, прокуратор Лукцей Альбин попытался было играть самостоятельную политическую роль и даже будто бы принял имя Юбы III⁴² со всеми атрибутами царской власти, но был убит (Тас. Hist. II.58).

В 9 г. до н.э. парфянский царь Фраат IV прислал в Рим в качестве заложников своих сыновей и внуков, всего восемь человек⁴³ (RGDA. 32.2; Suet. Aug. 21.3; Eutrop. VII.9; Strabo VI.4.2; XVI.1.28; Vell. II.94; Ios. AI. XVIII.2.4; Oros. VI.21.29). По словам Тацита, Фраат сделал это «не столько из страха пред нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам» (Тас. Ann. II.1. Здесь и далее цит. в пер. А.С. Бобовича под ред. Я.М. Боровского и М.Е. Сергеенко). Когда спустя без малого шесть десятилетий, в 49 г., ко двору Клавдия прибыла очередная группа парфянских заложников (*obsides*), тот же Тацит так объяснил мотивацию парфян: «Для того и отдают они нам заложниками царских детей, чтобы иметь возможность, если властитель их родины станет им в тягость, обратиться к принцепсу и сенаторам и получить от них более приемлемого и усвоившего наши нравы царя» (Тас. Ann. XII.10.2). Очевидно, так ситуация виделась из Рима; на деле всё обстояло гораздо сложнее.

В 7 г. н.э. старший сын Фраата IV, Вонон⁴⁴, получивший в Риме греко-римское воспитание и образование (Тас. Ann. II.1), с согласия Августа стал царём Парфии (RGDA. 33; Ios. AI. XVIII.2.4). Для парфян он был «чужаком» (*externus*) (Тас. Ann. II.1.1), «отравленным вражескими навыками» (*hostibus artium infectus*) (*ibid.* 2). Сам Вонон I (7–12 гг.) опрометчиво не счёл нужным скорректировать своё поведение в чуждой для него культурной среде и тем самым только усугубил своё и без того шаткое положение: по словам Тацита, «чуждый обычаям предков (*diversus a maiorum institutis*), он редко охотился и был равнодушен к конным забавам; на улицах городов появлялся не иначе как на носилаках и пренебрегал такими пирами, какими они были на его родине. Вызывали насмешки и его приближённые греки» (*inridebantur et Graeci comites*) (Тас. Ann. II.2.3). Привитые Вонону греко-римским воспитанием доступность и обходительность (*prompti aditus, obvia comitas*) в глазах подданных царя

1976. Bd. 25. P. 491–494. По мнению Д. Браунда, причиной расправы с несчастным Птолемеем Филадельфом вполне могло быть стремление Калигулы завладеть богатствами мавретанских царей (*Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 97*).

⁴² Несомненно, дань памяти Юбы II.

⁴³ См.: Бокщанин А.Г. Парфия и Рим: Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М., 1966. С. 164; Панов А.Р. Август и парфянские заложники в Риме // ПИФК. 2016. № 1. С. 136–149; *Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 12*.

⁴⁴ См.: *Bivar A.D.H. The Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran / E. Yarshater (ed.). Vol. 3.1. Cambr., 1983. P. 68*.

выглядели не как добродетели (*virtutes*), а как пороки (*vitia*) (*ibid.* II.2.4). «И поскольку всё это было несходно с их нравами (*quia ipsorum moribus aliena*), они питали равную ненависть и к дурному, и к хорошему в нём» (*loc. cit.*).

Прошло совсем немного времени, и против римского ставленника Вонона I выступил представитель младшей ветви династии Аршакидов, Артабан III (12–38 гг.), чья юность прошла среди воинственных кочевников-дагов, или дахов⁴⁵ (*apud Dahas adultus*) (*Tac. Ann.* II.3.1). В борьбе с ним Вонон терпит поражение и бежит в Великую Армению (*loc. cit.*). Такой исход военно-политического противостояния был символичен: «отравленного» греко-римской цивилизацией незадачливого Вонона I одолел лидер «национальной» оппозиции Артабан III, которому удалось воссоздать могущество Парфянской державы⁴⁶. Прощаившись несколько лет в Великой Армении (12–15 гг.), Вонон уехал в Сирию (*Tac. Ann.* II.3.1; 4.3; *Ios. Al.* XVIII.2.4), а в 19 г. был убит римлянами в Киликии (*Tac. Ann.* II.68.2; *Suet. Tib.* 49). Безусловно, у римского ставленника было больше шансов сохранить свой трон, если он получал «национальное» воспитание, как, например, Зенон⁴⁷, возведённый римлянами на престол Великой Армении под именем Арташеса III (18–34 гг.): «Усвоив с раннего детства обычаи и образ жизни армян, он своими охотами, пиршествами и всем, что в особой чести у варваров, пленил в равной мере и придворных, и простолюдинов» (*Tac. Ann.* II.56.2).

Тот же Тацит противопоставляет жестокость «воспитанного среди скифов» Артабана III «мягкому характеру» (*ingenium*) получившего воспитание и образование в Риме (*Romanas per artes*) ещё одного представителя династии Аршакидов – внука Фраата IV, Тиридата (*Tac. Ann.* VI.41.2). Характерно, что «изнеженный на чужбине» (*externa mollitia*) (*ibid.* 43.3) римский ставленник Тиридат III (35–36 гг.) проиграл борьбу за власть царю Артабану (*ibid.* 44). Годом ранее по просьбе оппозиционно настроенной парфянской знати Тиберий отправил в Парфию очередного римского ставленника – престарелого Фраата, младшего сына Фраата IV, прожившего в Риме более 40 лет (*ibid.* 31–32). Однако Фраат⁴⁸, едва добравшись до Сирии и сменив «образ жизни, усвоенный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер» (*Phraates apud Syriam dum omisso cultu Romano, cui per tot annos insueverat, instituta Parthorum sumit, patriis moribus impar morbo absumptus est*) (*ibid.* 32). Таким образом, в очередной раз конфликт между *cultus Romanus* и *instituta Parthorum* разрешился смертью человека, ставшего «чужим среди своих».

⁴⁵ Ниже Тацит называет дахов скифами (*Tac. Ann.* VI.41). См.: *Балахванцев А.С.* Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160.

⁴⁶ *Colledge M.A.R.* The Parthians. L., 1967. P. 48.

⁴⁷ Сын понтийского царя Полемона I и Пифодориды, внучки триумвира Марка Антония.

⁴⁸ Его иногда именуют Фраатом VI, хотя он никогда не правил.

Сын злополучного Вонона I Мегердат, подобно отцу, был «воспитанником Рима» (*alumnus Urbis*) (Тас. *Ann.* XII.11.3. Ср.: XI.10.4; XII.10). Враги Мегердата из числа его соотечественников видели в нём «чужеземца и римлянина» (*alienigenam et Romanum*) (Тас. *Ann.* XII.14.3). На роль римского ставленника в Парфии Мегердат был выбран императором Клавдием в 48 г. Однако он пал жертвой своего легкомыслия и чужого коварства: претендент на трон Аршакидов был побеждён на поле брани, вероломно захвачен в плен и искалечен (ему отрезали уши) по приказу своего более удачливого соперника царя Готарза II⁴⁹ (*loc. cit.*).

В правление Юлиев-Клавдиев в Риме жили и воспитывались будущие вассальные армянские цари – Тигран III, Тигран V и Тигран VI. После убийства проримски настроенной армянской знатью царя Великой Армении Арташеса II⁵⁰ вторгшиеся в страну римляне возвели на престол его младшего брата Тиграна III (20–8 гг. до н.э.), который в течение 11 лет жил и учился в Риме (Dio Cass. LIV.9.4–5; Suet. Tib. 9.1; Ios. AI. XV.4.3; Тас. *Ann.* II.3.2; RGDA. 27.2). О том, как стремительно романизовалась в Риме армянская молодёжь, в одной из своих сатир пишет Ювенал (Iuv. Sat. II.164–170). По словам А.Г. Бокщанина, Тигран III был «послушным агентом» римлян⁵¹. Внук Архелая I Филопатора, Тигран⁵², получивший воспитание в Риме, по воле Августа в 6 г. н.э. взойшёл на престол Великой Армении (RGDA. 27.2), став Тиграном V, однако уже спустя несколько месяцев, по-видимому, под давлением «национально» ориентированной армянской аристократии, был вынужден разделить власть с дочерью Тиграна III, сестрой и супругой Тиграна IV царицей Эрато (6–12 гг.)⁵³. В 36 г. уже бывший царь Тигран V был казнён по приказу Тиберия (Тас. *Ann.* VI.40.2).

Наконец, в 60 г. Нерон посадил на армянский престол племянника злополучного Тиграна V – царя Тиграна VI (Тас. *Ann.* XIV.26). Будучи сыном Гая Юлия Александра и внуком Александра, одного из сыновей Ирода I Великого и мужа Глафиры, дочери Архелая I Филопатора, Тигран VI, царь Великой Армении в 60–63 гг., являлся, таким образом, правнуком двух вассальных царей – Ирода I и Архелая I⁵⁴. Как пишет Тацит, «длительное пребывание в Риме заложи-

⁴⁹ Сын Артабана III.

⁵⁰ Сын царя Артавазда II, убитого по приказу Клеопатры VII в Александрии в 31 г. до н.э.

⁵¹ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 157. См. также: *Newell E.T. Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts* (Numismatic Notes and Monographs. N. 30). N.Y., 1926. P. 13 ff.; *Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East* 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984. P. 323 ff.

⁵² Его родителями были Александр, сын Ирода I Великого, и Глафира, дочь Архелая I Каппадокийского (Ios. AI. XVII.1.2; XVIII.5.4).

⁵³ *Hovannisian R.G. The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I. The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century.* N.Y., 1997. P. 62.

⁵⁴ Тацит, видимо, ошибается, когда называет его «внуком (nepos) царя Архелая» (Тас. *Ann.* XIV.26), если только речь не идёт об Архелее II.

ником воспитало в нём (Тигране.– В.Н.) рабскую приниженность» (usque ad servilem patientiam demissus) (loc. cit.). По мнению историка, гордая парфянская знать должна была презирать Тиграна как римского ставленника, который не только был «чужеземцем» (alienigena), но и долгие годы жил в Риме как заложник (obses), что для Тацита было равносильно жизни в рабстве (in mancipia) (Тас. Анн. XV.1). Характерно, что власть в Великой Армении Тигран VI удерживал, опираясь на римский воинский контингент и помощь соседних вассалов Рима (Тас. Анн. XIV.26). Как только парфяне нанесли жестокое поражение римским легионам, Тиграну VI пришлось уступить армянский престол парфянскому ставленнику Тиридату I⁵⁵.

Во времена Августа в Риме более или менее длительное время находились также отпрыски «союзника и друга римского народа» Ирода I Великого, который «введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и нерушимый строй жизни» (Ios. AI. XV.8.1. Здесь и далее цит. в пер. Г.Г. Генкеля. См.: Ios. AI. XV.10.1; XVII.1.3; 4.3; VI. I.22.2; 23.1; 31.1; 32.2)⁵⁶. Всего при дворе Августа в разное время побывало восемь сыновей царя Ирода. Один из его внуков, будущий вассальный царь Иудеи Ирод Агриппа I Великий (41–44 гг.), в юности воспитывался и обучался вместе с сыном Тиберия, Друзом Младшим (Ios. AI. XVIII.6.1). О тесных связях потомков Ирода Великого с римским императорским домом свидетельствуют, в частности, их имена: Агриппа I получил своё имя, видимо, в честь зятя Августа и личного друга царя Ирода, Марка Випсания Агриппы⁵⁷, царские сыновья получили имена Агриппы и Друза (Ios. AI. XVIII.5.4).

Человек неглупый и дипломатичный, Ирод Агриппа пользовался расположением Калигулы⁵⁸ и Клавдия⁵⁹ (он был в приятельских отношениях с обоими задолго до того, как они взошли на престол. См.: Ios. AI. XVIII.6.4–5). Близость Агриппы к Калигуле компрометировала царя в глазах римлян, видевших в нём «наставника тирана» (Dio Cass. LIX.24.1). После убийства Калигулы Агриппа проявил незаурядную энергию и дипломатические способности, чем немало содействовал сохранению режима принципата и переходу власти в руки своего сверстника и друга юности Клавдия (Ios. AI. XIX.4.1–2). Став императором, Клавдий передал Агриппе ряд областей, вклю-

⁵⁵ См.: Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 195 слл.

⁵⁶ См.: Leon H.J. *The Jews of Ancient Rome*. Philadelphia, 1960. P. 14; Braund D.C. *Rome and the Friendly King...* P. 10–11.

⁵⁷ Braund D.C. *Rome and the Friendly King...* P. 77.

⁵⁸ В знак своего особого благоволения к Агриппе Калигула, даровав своему другу в 37 г. тетрархии Филиппа и Лисания (Ios. AI. XVIII.6.10), вместе с титулами царя и «друга Цезаря» вручил ему также знаки преторского достоинства – *ornamenta praetoria* (Philo. In Фласс. 40). К последним относились тога претекста, курульное кресло и почётный эскорт из 6 ликторов.

⁵⁹ Получив власть, Клавдий даровал Агриппе консульские украшения, *ornamenta consularia* (Dio Cass. LX.8.2).

чая Иудею и Самарию (Jos. AI. XIX.5.1). Так в 41 г. в руках Агриппы I сосредоточились все владения его деда Ирода Великого.

Правя под бдительным надзором со стороны императорских прокураторов, Агриппа строго соблюдал все религиозные предписания иудаизма и умел ладить как со своими подданными, так и с иноземцами (Jos. AI. XIX.6.1; 7.3). Будучи человеком греко-римской культуры, Агриппа I построил в Берите театр и амфитеатр, термы и портики, устраивал гладиаторские бои (Jos. AI. XIX.7.5). В 44 г. в Кесарии Палестинской он на римский манер организовал игры в честь Клавдия (Jos. AI. XIX.8.2). Неудивительно, что у царя было немало противников, недовольных не только его увлечением греко-римской культурой, но и пресмыкательством перед римскими провинциальными властями⁶⁰: известие о смерти Агриппы I в народе было встречено с ликованием (Jos. AI. XIX.9.1).

Его сын, Ирод Агриппа II (48–92/93 гг.), или Марк Юлий Агриппа⁶¹, как и отец, в юности воспитывался в Риме, но уже при дворе Клавдия (Jos. AI. XIX.9.2). Престол своего отца он унаследовал не сразу. В 48 г., после смерти дяди, царя Ирода II Халкидского, Агриппа получил от Клавдия титул царя Халкиды⁶² и смотрителя за Иерусалимским храмом (Jos. AI. XX.5.2; 9.7; VI. II.12.1). В 53 г. Клавдий отобрал у Агриппы Халкиду, но взамен передал ему земли бывшей тетрархии Филиппа (Jos. AI. XX.7.1; VI. II.12.8). В 61 г. Нерон ещё более расширил владения Агриппы II, отдав ему Тивериаду и юг Перее (Jos. AI. XX.8.4). Став царём, Агриппа начал чеканить монеты с изображением императора, иногда с собственным профилем и языческой символикой, тем самым грубо оскорбляя религиозные чувства своих подданных⁶³. И это притом, что монетная чеканка в клиентных царствах отнюдь не контролировалась римскими властями, а изображения и надписи на монетах определяли сами клиентные цари⁶⁴.

⁶⁰ Причина неприязни к Агриппе I заключалась ещё и в его происхождении: дед Агриппы, Ирод Великий, как пишет Иосиф Флавий, был «идумеянином, т.е. полуевреем, тогда как по справедливости и обычаям (страны) эта власть (над Иудеей.– В.Н.) должна принадлежать лишь кровным иудеям» (Jos. AI. XIV.15.2).

⁶¹ Отец Агриппы II, Агриппа I как римский гражданин мог носить имя Гай Юлий (в честь Калигулы) или Марк Юлий (в честь Марка Випсания Агриппы). Во втором случае Агриппа II унаследовал не только отцовский помен, но и *praenomen*. См.: *Braund D.C. Rome and the Friendly King...* P. 44.

⁶² Имеется в виду Халкида Ливанская.

⁶³ См.: *Madden F.W. Coins of the Jews.* L., 1881. P. 139–169. Агриппа II явно подражал римской чеканке. Первым из потомков Ирода начал помещать на своих монетах изображения императора и его родственников внучатый дядя Агриппы, тетрарх Филипп: на его бронзовых монетах появляются портреты Августа, Ливии и Тиберия (*Dahmen K. With Rome in mind? Case Studies in the Coinage of Client Kings // Kingdoms and Principalities in the Roman Near East (Oriens et occident. Bd. 19) / T. Kaizer, M. Facella (eds.). Stuttgart, 2010. P. 108).*

⁶⁴ См.: *Dahmen K. Op. cit. P. 100. Cp.: Braund D.C. Rome and the Friendly King...* P. 125–126.

Агриппа II много строил, украшая Кесарию Филиппову, переименованную им в Нерониаду в честь Нерона (61 г.), однако эта деятельность отнюдь не прибавила ему популярности среди подданных (Ios. AI. XX.9.4). Несмотря на все свои старания (Ios. VI. II.16.3–4), не пользовавшийся уважением подданных царь не сумел предотвратить восстание иудеев и был вынужден бежать из Иерусалима под градом камней (Ios. VI. II.17.1). В дальнейшем Агриппа II деятельно помогал римлянам подавлять мятеж (Tac. Hist. V.1.2). В 75 г. этот римский вассал получил от Веспасиана в награду за верность знаки преторского достоинства – *ornamenta praetoria* (Dio Cass. LXVI.15.4). Кроме того, Веспасиан ещё более расширил владения Агриппы (Phot. Bibl. Cod. 33), который умер в Риме в конце I в.⁶⁵ Едва ли после 70 г. он сохранил хоть какую-то реальную власть в своём эфемерном «царстве». Со смертью Агриппы II пресеклась династия Ирода Великого, и бывшие владения последнего иудейского царя перешли под прямое управление римских провинциальных властей. В 135 г., после подавления восстания Симона Бар-Кохбы, Иерусалим превратился в колонию Элию Капитолину, а провинция Иудея была переименована в Сирию Палестинскую⁶⁶.

Понятие *rex Romana* включало в себя два компонента: мир в провинциях и безопасность границ⁶⁷. По-видимому, клиентные царства в составе империи сохранялись лишь до тех пор, пока вассальные цари более или менее эффективно исполняли свои административные и военные функции, способствовавшие решению двух указанных задач. Создаётся впечатление, что на Палатине о клиентных царствах и их правителях вспоминали главным образом тогда, когда в той или иной области начинались военные действия либо серьёзные беспорядки, восстания или мятежи⁶⁸. Безусловно, главной задачей «дружественных царей» было обеспечение безопасности имперских границ. Так, потенциальную угрозу со стороны враждебных Риму германских племён должны были нейтрализовать союзные племена или племенные союзы, во главе которых стояли римские ставленники, такие как Маробод или Италик.

Rex маркоманнов Маробод⁶⁹ в юности жил при дворе Августа и пользовался его расположением (Strabo VII.1.3). По-видимому, будучий «клиент Рима»⁷⁰ был незаурядной личностью. Веллей Патер-

⁶⁵ Год смерти Агриппы II устанавливается лишь приблизительно (конец правления Домициана). Чаще всего исследователи называют 92 или 93 гг. См., напр.: *Немировский А.А.* Агриппа II // ПЭ. 2000. Т. I. С. 270.

⁶⁶ См.: *Молмзен Т.* Указ. соч. С. 396, 400.

⁶⁷ *Woolf G.* Op. cit. P. 179.

⁶⁸ *Hekster O.* Trophy kings and Roman power: A Roman perspective on client kingdoms // *Kingdoms and principalities in the Roman Near East* / *Facella M., Kaizer T.* (eds.). Stuttgart, 2010. P. 49 ff.

⁶⁹ См.: *Dobiáš J.* King Maroboduus as a Politician // *Klio.* 1960. Bd. 38. P. 155–166.

⁷⁰ *Pitts L.F.* Relations between Rome and the German “Kings” on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A.D. // *JRS.* 1989. Vol. 79. P. 46.

кул так охарактеризовал его: «Варвар более по происхождению, чем по уму» (*natione magis quam ratione barbarus*) (Vell. II.108.2. Здесь и далее цит. в пер. А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой). Вполне вероятно, какое-то время он служил во вспомогательных частях римской армии. Как показали дальнейшие события, Маробод был способным военачальником и дипломатом. По словам Веллея Патеркула, «заяв среди своих первое место..., он (Маробод.– В.Н.) решил увести свой народ подалее от римлян и разместить его там, где, укрывшись от более сильного оружия, смог бы сделать более могущественным своё собственное» (loc. cit.). После походов Друза Старшего за Рейн (11–9 гг. до н.э.) Маробод возглавил миграцию маркоманнов со Средней Эльбы на Дунай⁷¹, а в скором времени, используя военную силу и дипломатию, создал в Центральной Европе (на территории Богемии) мощную конфедерацию германских племён, известную как «царство» Маробода.

На Палатинском холме опасались усиления Маробода, сформировавшего сильное войско по римскому образцу (Vell. II.109.1–4), поэтому Август и Тиберий начали подготовку к превентивной войне с германским «царством» (ibid. 5). Однако ввиду разразившегося в 6 г. н.э. Паннонского восстания римлянам пришлось заключить с Марободом договор (Vell. II.109.5; Dio Cass. LV.28.6–7. Ср.: Tac. Ann. II.26). По-видимому, Маробод стал «союзником и другом римского народа» (косвенно об этом свидетельствует Тацит: Tac. Ann. II.63). В политическом плане пресловутая римская «дружба» (*amicitia*) означала не более чем благожелательный нейтралитет в случае вооружённого конфликта одного из участников договора с третьей стороной⁷². Иными словами, формально Маробод стал вассалом Рима⁷³, тем самым сделавшись для многих германцев предателем и коллаборационистом (*proditorem patriae, satellitem Caesaris*) (Tac. Ann. II.45). В 19 г. Маробод (к тому времени он потерпел поражение от предводителя херусков Арминия и потерял Богемию) был свергнут враждебной ему германской знатью во главе с готом Катувальдой (ibid. 62). В результате «державы» Маробода распалась⁷⁴, сам же он бежал в Италию, получив от Тиберия милостивое позволение обосноваться в Равенне (Suet. Tib. 37.4; Tac. Ann. II.63; Vell. II.129.3). Здесь он прожил ещё 18 лет (Tac. Ann. II.63) и умер в 37 г.⁷⁵ Преемники Маробода, будучи креатурами Рима, во времена Тацита уже всецело зависели от римской поддержки (Tac. Germ. 42). Так, благодаря Диону Кассию известно, что гетх семнонов Масий ездил в Рим ко двору Домициана – видимо, за финансовыми субсидиями (Dio Cass. LXVII.5.3).

⁷¹ См.: Колосовская Ю.К. Рим и мир племён на Дунае. I–IV вв. н.э. М., 2000. С. 41.

⁷² Pitts L.F. Op. cit. P. 47; Lintott A. Op. cit. P. 32.

⁷³ Gowing A.M. Op. cit. P. 323.

⁷⁴ См.: Колосовская Ю.К. Рим и мир племён на Дунае... С. 45.

⁷⁵ См.: Ricci C. Germani a Roma. Testimonianze epigrafiche romane tra I e III sec. d.O // Polis. 1993. No. 5. P. 206.

Рех херусков Италик, племянник легендарного Арминия (сын его брата Флава), родившийся в Риме и получивший римское гражданство, был последним представителем древней династии (Тас. Анн. XI.16). В 47 г. администрация Клавдия направила его «на чужеземное царствование» (*externum ad imperium*) в качестве очередного клиентного правителя, снабдив охраной и деньгами (loc. cit.). Как отмечает Ю.К. Колосовская, «назначение его имело большое политическое значение для укрепления римских позиций в мире германских племён»⁷⁶. В новой для себя обстановке Италик действовал более гибко, чем уже упомянутый Вонон I: сравнительно редко проявляя пресловутую греко-римскую обходительность (*comitas*) и сдержанность (*temperantia*), он завоевал популярность у своего окружения благодаря обильным возлияниям и буйному разгулу (*vinolentiam ac libidines*) (loc. cit.). Несмотря на это, противников Италика из числа германской знати не устраивало то обстоятельство, что Италик вырос «на чужой почве» (*hostili in solo*), а, следовательно, «отравлен» (*infectus*) греко-римским воспитанием и образованием, несвободой, чужим бытом и вообще «всем иноземным» (*alimonio servitio cultu, omnibus externis*) (loc. cit.). В дальнейшем Италик был изгнан, но сумел вернуться к власти; греко-римская культура не пошла ему впрок: Италик правил как тиран, всячески притесняя своих подданных (*Cheruscas adflictabat*) (Тас. Анн. XI.17). Сын и наследник Италика (с 60 г.), Хариомер, получавший финансовую помощь из Рима (Dio Cass. LXVII.5.1), «из-за своей дружбы с римлянами был отстранён от власти хаттами» (loc. cit. Здесь и далее цит. в пер. под ред. А.В. Махлаюка). Видимо, это произошло в 83 г., когда началась война хаттов с Домицианом.

Стоит отметить, что в приграничной области к северу от Дуная, а также на территории Богемии, Моравии, Южной Словакии, наконец, от Карпат и Судетских гор до Балтики в период Принципата и позже имели место активные торговые контакты между римскими купцами и местным населением; об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки, в частности, клады (в одной лишь Польше известно более 200 римских кладов, в которых в общей сложности было обнаружено около 65 тыс. монет). В обмен на предметы роскоши, необработанное железо и оружие германские племена обеспечивали римлян скотом, зерном, рабами, мехами и янтарём⁷⁷. В процессе экономического и культурного обмена «германские общества севера становились более римскими, а римские провинции делались более германскими»⁷⁸. Однако, кроме сотрудничества, существовало ещё и сопротивление – не только активное, с оружием в руках (пример – восстание батавов под руководством

⁷⁶ Колосовская Ю.К. Рим и мир племён на Дунае... С. 46.

⁷⁷ См.: Федотов В.В. Историческая география античного мира. М., 1996. С. 295–296.

⁷⁸ Wells P.S. The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped the Roman Europe. New Jersey, 1999. P. 225–226.

Юлия Цивилиса в 69–70 гг.), но и пассивное, в повседневном быту, о чём свидетельствуют памятники материальной культуры. Так, известный археолог П. Уэллс по итогам без малого 30-летних полевых изысканий в Южной Германии пришёл к выводу, что местная культурная традиция (керамика железного века, латенские фибулы и т.п.) пережила римское завоевание. Это явление он оценил как «культурное сопротивление» (*cultural resistance*)⁷⁹. В целом с германцами у римлян не получилось конструктивного диалога. Недаром Тацит пророчески писал о «неотвратимых бедствиях», которые, по его мнению, угрожали империи в будущем (*urgentibus imperii fati*: Тас. Germ. 33). Источником этих бедствий предстояло стать германскому племенному миру. Суровые и воинственные северные варвары, отвергнув предложенные им ценности греко-римской культуры, во II–III вв. инициировали мощный натиск на имперские рубежи, в ходе которого вместо несостоявшегося процесса аккультурации⁸⁰ на северо-западных окраинах греко-римской ойкумены начался более естественный и эффективный процесс варваризации империи и её институтов.

На Востоке на протяжении более чем двух веков для римлян – по крайней мере, субъективно⁸¹ – оставалась актуальной «парфянская угроза»⁸². Как передаёт Тацит, в 35 г. Артабан III якобы претендовал на прежние владения Ахеменидов и Александра Македонского (Тас. Ann. VI.31. Ср.: Dio Cass. LIX.27.3). На деле, видимо, никакой реальной угрозы римским владениям со стороны Парфии не было, в то время как Рим вёл себя гораздо агрессивнее Парфии⁸³. Римляне воевали с парфянами в 52–63, 112–114, 155–163, 194–198 и 215–217 гг., причём почти все военные конфликты в спорном регионе возникали по инициативе римлян, парфяне же лишь давали свой «ответ» на римские «вызовы», вторгаясь на территорию Сирии или Армении⁸⁴. По мнению Т. Корнелла, «в политическом смысле у Рима не было парфянской проблемы; напротив, совершенно очевидно, что у Парфии была римская проблема»⁸⁵. Пожалуй, это всё-таки преувеличение, и принцепсы, начиная с Августа, в своей восточной политике не могли позволить себе игнорировать мощный военный потенциал Аршакидов. Возможно, именно наличие пусть даже не столько реальной, сколько потенциальной «парфянской угрозы» на Востоке вынуждало Августа и его преемников проводить в

⁷⁹ Wells P.S. Op. cit. P. 170.

⁸⁰ Под аккультурацией мы понимаем процесс взаимовлияния культур, в результате которого происходит восприятие одним народом – полностью или частично – культуры другого народа (в данном случае имеется в виду восприятие варварами греко-римской культуры).

⁸¹ См.: Isaac B.H. The Limits of Empire... P. 22.

⁸² По мнению Э. Люттвака, Парфия представляла собой «систематическую угрозу» для Рима (Luttwak E.N. Op. cit. P. 19).

⁸³ См.: Isaac B.H. The Limits of Empire... P. 28.

⁸⁴ См.: Ibid. P. 29 ff.; Whittaker C.R. Frontiers... P. 311.

⁸⁵ Cornell T. Op. cit. P. 145.

регионе последовательный политический курс в отношении пограничных клиентных царств, в то время как на западных рубежах империи, по мнению некоторых исследователей, наблюдалась несколько иная картина⁸⁶.

Как бы то ни было, в противостоянии с парфянами римские наместники и полководцы во многом полагались на помощь вассальных царей, которым приходилось принимать активное участие в военных акциях римлян против парфян (см., напр.: Tac. Ann. XIII.7–8). Так, в феврале 50 г. до н.э. Цицерон, исполнявший тогда должность проконсула Киликии, в предвидении парфянского вторжения рассчитывал на сильный воинский контингент галатского царя Дейотара I Филоромея⁸⁷: «У него тридцать когорт по четыреста человек, вооружённых по нашему образцу, и две тысячи всадников» (Cic. Att. VI.1.14. Пер. В.О. Горенштейна. Ср.: Cic. Att. V.18.2. Об этих войсках, вооружённых и обученных Дейотаром на римский манер, см.: Caes. Bell. Alex. 34). Дейотара, в дальнейшем снабжавшего римлян ценными сведениями о ситуации в «прифронтовой полосе» и возможных действиях парфян (Cic. Att. V.21.2; Fam. VIII.10.1–2), благодарный за неоценимую помощь Цицерон в одном из своих писем охарактеризовал как «самого верного царя и лучшего друга нашего государства» (*fidelissimum regem atque amicissimum rei publicae nostrae*: Cic. Fam. XV.2.2. Здесь и далее

⁸⁶ См.: *Kehne P.* “Externae gentes” und “Regna intra fines” im Nordgrenzenbereich des Imperium Romanum vom 1. bis zum 3. Jahrhundert: Eine Kritik der Klientelrandstaaten-theorie // *Eos*. 2000. Vol. 87. S. 311–334.

⁸⁷ Дейотар был сыном тетрарха толитобогиев Синорига, того самого, который коварно убил своего соправителя Сината, чтобы жениться на его жене Камме, и был ею отравлен (Plut. De virt. mul. 20; Amat. 22; Polyæn. VIII.39). После смерти отца Дейотар стал тетрархом. В 64 г. до н.э. в награду за помощь в борьбе с Митридатом VI Эвпатором Помпей даровал Дейотару вместе с царским титулом обширные земли в Малой Азии (Strabo XII.3.13; App. Syr. 50). В своих владениях Дейотар I активно занимался градостроительством (Plut. Crass. 17), вооружал и обучал туземные войска по римскому образцу (Cic. Phil. XI.33; Cic. Att. VI.1.14; Bell. Alex. 34.4), а также совершал благотворительные акции в пользу афинян, за что был удостоен статуи на Акрополе (OGIS. 347). В ноябре 45 г. до н.э. Цицерон перед лицом Цезаря и в отсутствие самого Дейотара защищал галатского царя от обвинений, выдвинутых против него его внуком Кастором II (последний обвинил деда в том, что тот был врагом Цезаря и даже будто бы намеревался его убить). Дейотар, в конечном счёте сумевший объединить под своей властью всю Галатию, был коварным и жестоким деспотом – так, в 43 г. до н.э. он убил свою дочь Стратонику и зятя Кастора I (Strabo XII.5.3). Вместе с тем царь носил титул «друга и союзника римского народа». См.: *Федина Ю.А.* Галатия в восточной политике Рима в I в. до н.э. // ПИФК. 2012. Вып. 1 (35). С. 63–64; *Coşcun A.* Amicitiae und politische Ambitionen im Kontext der causa Deiotariana // *Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat* / Coşcun A. (hg.). Göttingen, 2005. S. 127–154; *APR*. P. 122–125; *Coşcun A.* Das Ende der “romfreundlichen” Herrschaft in Galatien und das Beispiel einer “sanften” Provinzialisierung // *Freundschaft und Gefolgschaft in den answärtigen Beziehungen der Römer* (2. Jh. V.Chr. – 1. Jh. N. Chr.) / *Inklusion/Exklusion. Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart*. Bd. 9. Frankfurt am Main., 2008. S. 133–164.

цит. в пер. В.О. Горенштейна). Наконец, осенью 51 г. до н.э. вассальные цари своевременно информировали Цицерона о переправе парфянских войск через Евфрат (Cic. Fam. XV.1.2).

По сообщению Зосима, некогда цари Боспора успешно противостояли набегам скифов, однако после пресечения царской династии варвары беспрепятственно хлынули потоком сквозь образовавшуюся в границе империи брешь в Азию (Zosim. I.31.2–3). Ещё в эпоху Республики отдельные племена и союзы племён во главе со своими предводителями, заключавшими с сенатом договоры о дружбе и союзе, защищали провинции – например, Македонию – от внешних вторжений (Cic. Pis. 84). Так, в 29 г. до н.э. бастарны пересекли Дунай и захватили часть Мёзии, после чего через перевал Гема вторглись во Фракию и стали опустошать владения царя денделетов Сита, союзника Рима. Наместник Македонии Марк Лициний Красс Младший немедленно выступил на помощь Ситу: защищая владения клиентного царя от бастарнов, он одновременно оборонял Македонию. В итоге полчища бастарнов были рассеяны и прогнаны обратно за Дунай (Dio Cass. LI.23.4; 25.3).

Зачастую вассальные правители пограничных областей, находясь между Римом и Парфией, пытались лавировать на свой страх и риск, стремясь, образно говоря, усидеть на двух стульях (Ios. AI. XX.2.4; 3.4). Таких монархов легко было заподозрить в измене: в античной литературной традиции сохранился рассказ о царе Осроены Абгаре II⁸⁸, который в 53 г. до н.э. будто бы умышленно завёл в парфянскую западную войско триумвира Марка Лициния Красса (Plut. Crass. 21; Dio Cass. XL.20.1–21.1). В январе 50 г. до н.э. Цицерон писал Катону Младшему в Рим, что Каппадокия «имеет соседями царей, которые, хотя они и друзья нам, не осмеливаются открыто быть врагами парфянам» (*regesque habet finitimos, qui etiamsi sunt clam amici nobis, tamen aperte Parthis inimici esse non audent*) (Cic. Fam. XV.4.4. Ср.: Cic. Fam. XV.1.3; 6). Спустя почти сто лет царь Адиабены Изат II (36–60 гг.), опасаясь интриг со стороны своих родственников, отправил их вместе с семьями в качестве заложников одних в Рим, других в Парфию (Ios. AI. XX.2.4). Однако усидеть на двух стульях ему не удалось: когда парфянский царь Вардан I (39–47 гг.) предложил Изату заключить союз против Рима и тот отказался⁸⁹, Вардан объявил войну ему самому (Ios. AI. XX.3.4). С местными элитами дело тоже обстояло непросто: как пишет Тацит, «армяне, двуличные и непостоянные, призывали к себе и то и другое войско; по месту обитания, по сходству в нравах, наконец из-за многочисленных смешанных браков они были ближе к парфянам и, не познав благ свободы, склонялись к тому, чтобы им подчиниться» (Tac. Ann. XIII.34. Ср.: Tac. Ann. XIV.26).

⁸⁸ Об Абгаре II см.: Luther A. Die ersten Könige von Osrhoene // *Klio*. 1999. Bd. 81. S. 437–454.

⁸⁹ См.: Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб., 2008. С. 152.

Если вассальный правитель обладал известным авторитетом и политическим влиянием, он мог при случае сыграть роль посредника, столь важную в дипломатических отношениях. Например, в 55 г. до н.э., когда Цезарь впервые высадился на юго-востоке Британии, он воспользовался услугами кельтского аристократа Коммия⁹⁰, которого назначил царём атребатов и приказал «посетить возможно большее количество племён и посоветовать им отдаться под покровительство римского народа» (Caes. BG. IV.21. Пер. М.М. Петровского. Ср.: Caes. BG. IV.27; V.22). Когда в 36 г. римский наместник Сирии Луций Вителлий встретился на мосту через Евфрат с парфянским царём Артабаном III для заключения мирного договора, посредником в ходе переговоров выступил тетрарх Галилеи и Переи Ирод Антипа (Jos. AI. XVIII.4.5). Для самого Ирода эта история имела печальные последствия: спустя несколько лет, в 39 г., его племянник, Ирод Агриппа (будущий Агриппа Великий), обвинил дядю в ряде злоумышлений против императора и, в частности, в преступном сговоре с Артабаном III (Jos. AI. XVIII.7.2). В доносе, помимо прочего, говорилось об огромном арсенале, созданном Иродом Антипой в своих владениях (в нём хранилось 70 тыс. комплектов вооружения); отрицать очевидное было бесполезно, и Калигула покарал мнимого заговорщика, отняв у него тетрархию, которая досталась Агриппе (loc. cit.). Быть правителем пограничного вассального царства вообще было опасно. Так, в 72 г. наместник Сирии Цезений Пет направил Веспасиану донос, в котором обвинил царя Коммагены Антиоха IV (38–72 гг.) в измене (якобы тот намеревался переметнуться на сторону парфян и совместно с ними начать войну против Рима). Спасаясь от римских оккупационных войск, Антиох IV с женой и дочерью бежал в Киликию, его наследник Антиох Эпифан – в Парфию. Впрочем, вскоре оба получили от Веспасиана полное прощение и позволение жить в Риме (Jos. VI. VII.7.1–3).

Важную роль в повседневной жизни окраин империи играло также обеспечение гражданского мира и правопорядка на местах. В первую очередь речь идёт о борьбе с разбойниками (*latrones*)⁹¹ и

⁹⁰ Впоследствии Коммий, ставший врагом Цезаря, был разбит им на поле брани и едва сумел избежать кары за своё вероломство (Frontin. Strat. II.13.11). Около 50 г. до н.э. он создал «королевство» Каллева в Юго-Западной Британии и стал основателем правившей там династии. Как свидетельствует монетная чеканка правителей южных областей Британии, на протяжении ряда десятилетий фигура Коммия оставалась для местных царей символом могущества и суверенитета (Williams J.H.C. Coinage and Identity in Pre-Conquest Britain: 50 BC–AD 50 // Coinage and Identity in the Roman Provinces / Hoeghego C.J., Heuchert V., Burnett A.M. (eds.). Oxf., 2005. P. 74–77).

⁹¹ В сугубо юридическом смысле *latrones* – это участники вооружённой шайки грабителей (Marc. Dig. 48.19.11.2). От *latrones* следует отличать *praedones* – грабителей, не использовавших «вооружённую силу» (*vis armata*), а также бродяг (*grassatores*) и морских разбойников – пиратов (*piratae*). Слово *latrocinium* имеет два основных значения: 1) разбой и 2) разбойничья шайка, синоним – *factio* (ApuL. Met. III.8; 28). У римских юристов кража, т.е. присвоение чужого имущества без применения насилия, называлась *furtum* (Paul. Dig.

47.2.1.3). Грабёж как частный случай *furtum* назывался не *latrocinium*, а *rapina* и подпадал под иск *vi bonorum raptorum* (Papinian. Dig. 47.2.81.4). В обычае, равно как и в литературных произведениях, «разбоем» (*latrocinium*) могло именоваться любое противоправное, позорное, антиобщественное деяние. Кроме того, римляне применяли понятие *latrocinium* («вооружённый разбой») к необъявленной, в частности, партизанской войне. В «Дигестах» Помпоний говорит: «*Hostes* hi sunt, qui nobis aut quibus nos publice bellum decrevimus: ceteri *latrones* aut *praedones* sunt» (Pompon. Dig. 50.16.118. Ср.: Ulpian. Dig. 49.15.24). Таким образом, выходит, что *hostes* – это враги Рима в «правильной», т.е. объявленной по всем правилам, с соблюдением надлежащих обрядов и процедуры войне, тогда как *latrones* суть враги Рима в «неправильной», т.е. необъявленной войне (*Grünewald Th. Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality*. L.; N.Y., 2004. P. 17). Среди *latrones*, или *latrunculi* числились и грабители с большой дороги, *latrones famosi* (разбойники с «репутацией») вроде Тетриния (Suet. Cal. 30.2), и враги «римского строя», такие как воинственные *mastrucati latrunculi* на Сардинии, о которых упоминает Цицерон (Cic. Prov. cons. 15), или узурпаторы вроде Фирма, о котором Флавий Вописк пишет: *latrunculum fuisse, non principem* (Hist. Aug. Firm. II.1), и бескомпромиссные борцы с римской властью, такие как Спартак и Такфаринат – «дезертиры», «разбойники», «грабители» (*desertores, latrones, praedones*) (Flor. II.8.8; Tac. Ann. II.52; III.73). Все они стояли вне закона, поэтому подлежали максимально суровой внесудебной расправе. К примеру, Тацит сообщает о дезертире и перебежчике германце Ганнаске, который прежде служил в римских *auxilia*, а затем перебежал к хавкам (Tac. Ann. XI.18.1–2). Благодаря интригам Корбулона Ганнаск был коварно убит (ibid. 19.2). Захваченных разбойников обычно распинали на крестах (AruL. Met. III.9). Даже известный своим гуманизмом Сенека полагал необходимым публично казнить *latrones* (Sen. De ira. III.19.2). Пиратов римляне считали врагами всего человечества, поэтому по отношению к ним можно было не держать слова и не соблюдать клятвы (Cic. Off. III.107). Наконец, когда у латинских авторов речь заходит о критике издержек римского «империализма», термин *latro* (или *latrones*) применяется к самим римлянам. Так, в «Письме Митридата» у Саллюстия они названы «разбойниками, грабящими народы» (*latrones gentium*) (Sall. Hist. IV.69.22. Пер. В.О. Горенштейна). У Тацита в «Агриколе» Калгак называет римлян «расхитителями всего мира» (*raptores orbis*) (Tac. Agr. 30. Пер. А.С. Бобовича под ред. М.Е. Сергеевко). Сравнения Рима с разбойником (*latro*) мы находим у Помпея Трога (Iust. XXXVIII.4.2) и Курция Руфа (Curt. VII.8.19). В марксистской историографии разбой (*latrocinium*) рассматривался как одна из форм классовой борьбы, а разбойники (*latrones*) представлялись борцами с социальной несправедливостью (Дмитрев А.Д. Движение *latrones* как одна из форм классовой борьбы в Римской империи // ВДИ. 1951. № 4. С. 61–72; Günther R. Das Latrocinium als eine besondere Form des Widerstands der unterdrückten Klassen und Barbaren im römischen Sklavenhalterstaat während des Prinzipats. Leipzig, 1953). Р. Мак-Маллен рассматривал данный феномен более широко, характеризуя *latrocinium* как угрозу социальному и политическому строю Римской империи; в этом контексте «разбойником» (*latro*) являлся не только вооружённый грабитель с большой дороги, но и мятежник или узурпатор (MacMullen R. The Roman concept robber – pretender // RIDA. 1963. Vol. 10. P. 221–225; MacMullen R. Enemies of the Roman Order: Treason, Unrest and Alienation in the Empire. Cambr. (Mass.), 1967). Б. Шо в своей классической работе (Shaw B.D. Bandits in the Roman Empire // P&P. 1984. Vol. 105. P. 3–52) пришёл к выводу, что разбойники угрожали общественному и нравственному порядку в Римской империи именно тем, что своих целей они достигали путём насилия (Shaw B.D. Op. cit. P. 4). Кроме того, Б. Шо видел в разбойнике своего рода «компонент» римского общественного строя (Shaw B.D. Op. cit. P. 8). Концеп-

пиратами (*piratae*). В период Поздней республики пиратские шайки, базировавшиеся в Киликии (Strabo XIV.5.2; App. Mithr. 21), терроризировали Средиземноморье, получая сверхприбыли за счёт торговли «живым товаром»⁹². Мощный удар по пиратским объединениям нанёс Помпей в 67 г. до н.э. (Flor. I.41.15). Однако пиратство в Средиземноморье сохранялось и после крупномасштабной акции Помпея (Cic. Leg. II.81). По иронии судьбы, 30 лет спустя благодаря действиям его сына, Секста Помпея, создавшего пиратское государство на Сицилии, Сардинии и Корсике, «открытое пиратство вновь распространилось по морю» (App. BC. V.77. Цит. в пер. А.И. Тюменева под ред. С.А. Жебелёва и О.О. Крюгера. Ср.: Vell. II.73.3; Flor. II.18.2).

С установлением Принципата тема борьбы с «разбоем» (*latrocinium*), ликвидации пиратства и, как следствие, безопасности мореплавания стала важной частью имперской пропаганды⁹³. Прежде всего, об этом торжественно возвестил сам Август в своих «Деяниях» (RGDA. 35.1). Тогда и в дальнейшем римские власти старались убедить население, будто разбоем и пиратству навсегда положен конец (см., напр.: Philo. Leg. ad Gaium. 145–146; Epict. XIII.13.9). По словам Веллея Патеркула, «распространившись до восточных и западных пределов, достигнув самого севера и юга, Августов мир сохранил самые отдалённые уголки всего мира свободными от разбоя» (“Diffusa in orientis occidentisque tractus et quidquid meridiano aut septentrione finitur, pax Augusta per omnis terrarum orbis angulos a latrociniorum metu servat immunes”) (Vell. II.126.3. Пер. А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой). О прекращении разбоя на суше и на море в период Принципата пишут Страбон (Strabo III.2.5) и Плиний Старший (Plin. NH. II.118).

Это был не более чем пропагандистский штамп, ибо многочисленные данные источников (App. BC. V.132; Suet. Aug. 32.1–2; Tib. 37.1; Achil. Tat. III.5; Tert. Apol. II.8) свидетельствуют о «повсеместности разбоя» в Римской империи⁹⁴. Никто не был застрахован от нападения грабителей, с которыми римские власти боролись без

цию «социального разбойника» развил А. ван Хуф (*Hooff A.J.L. van. Ancient Robbers: Reflections behind the Facts // AS. 1988. Vol. 19. P. 105–124*). Для Б. Шо и А. ван Хуфа разбойник – это «конкретный социальный тип». Наконец, с точки зрения Т. Грюневальда, разбойник – это не столько «конкретный социальный тип», сколько некая «литературная условность», созданная греческими и латинскими авторами, «литературный образ», с которым теснейшим образом было связано романтическое представление о «благородном разбойнике» (*Grünewald Th. Op. cit. P. 12–13*).

⁹² Самой ценной добычей были молодые и красивые пленники (Long. I.28). См.: *Arslan M. Piracy on the Southern Coast of Asia Minor and Mithridates Eupator // Olba. 2003. Vol. 8. P. 196 ff.*

⁹³ *Braund D.C. Piracy under the Principate and the Ideology of Imperial Eradication // War and Society in the Roman World (Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society) / Rich J., Shipley G. (eds.). Vol. 5. L., 1993. P. 201 ff.*

⁹⁴ *Shaw B.D. Op. cit. P. 9. См. также: Grünewald Th. Op. cit. P. 18 ff.*

особого успеха⁹⁵, никто из жителей империи не чувствовал себя в безопасности, все и повсюду испытывали *metus latrociniorum*⁹⁶. В эпитафиях нередко попадаются штампы вроде *interfectus* или *interfecta a latronibus*⁹⁷. Если какой-нибудь высокопоставленный человек вдруг исчезал при невыясненных обстоятельствах, императоры всё «списывали» на разбойников (Suet. Aug. 27.4; Hist. Aug. Comm. V.12; Сагас. III.8). В одном из своих писем Сенека обмолвился, что путешествовать надлежит налегке и с пустыми карманами, тогда не страшны разбойники (Sen. Ep. XIV.9). В источниках мы находим немало свидетельств разгула пиратства в римском Средиземноморье (Cic. Att. XVI.1.3; Dio Cass. XXXIX.56.1; 56.5; 59.2; LV.28.2; Tac. Ann. XII.55; Hist. III.47–48; App. Ill. XVI.47; Ios. VI. III.9.2; Strabo XI.2.12; Paus. X.34.5; Plut. Mor. 165D). О крупномасштабных морских разбоях сообщают Дион Кассий (LV.28.1), Тацит (Ann. XII.55) и Иосиф Флавий (VI. III.9.2)⁹⁸. Подобных свидетельств немного, поскольку античные авторы считали пиратство предметом, недостойным внимания (см., напр.: Dio Cass. LV.28.2). Иногда удачливые атаманы разбойников становились династами и даже получали жреческие должности, как, например, Клеон, который благодаря щедрым пожалованиям сначала Марка Антония, а затем и Августа сколотил себе небольшое княжество в Мизии (Strabo XII.8.8–9).

Императоры не могли, да и не стремились окончательно ликвидировать пиратство; они довольствовались лишь контролем над акваторией. Репрессивные акции – вот всё, что могли противопоставить разбойникам провинциальные власти Римской империи. В основном с пиратами боролись, как умели, наместники провинций (Ulpien. Dig. 1.18.13 pr.; Paul. Dig. 1.18.3; Marc. Dig. 48.13.4.2) и местные общины⁹⁹, а также вассальные цари. Последние порой весьма эффективно справлялись с этой задачей – во всяком случае, они делали это лучше, чем римские должностные лица, о чём свидетельствуют греческие и латинские авторы. По сообщению Страбона, правивший в 1-й пол. II в. до н.э. Масинисса – на редкость энергичный и эффективный правитель из числа вассальных царей Рима – быстро навёл порядок в Нумидийском царстве, отвадив кочевников от занятий разбоем (Strabo XVII.3.15). Ок. 22 г. до н.э. царь Иудеи Ирод I Великий, как сообщает Иосиф Флавий, получил от Августа часть владений тетрарха Итуреи Зенодора (Трахонитиду, Батанею и Авранитиду) с условием, что он сумеет прекратить раз-

⁹⁵ *Grünwald Th.* Op. cit. P. 31.

⁹⁶ См.: *Knepp A.* Die Gefährdung der securitas: Angst vor Angehörigen sozialer Randgruppen der römischen Kaiserzeit am Beispiel von Philosophen, Astrologen, Magiern, Schauspielern und Räubern // *Soziale Raundgruppen und Außenseiter im Altertum / Weiler I.* (ed.). Graz, 1988. S. 165–176; *Grünwald Th.* Op. cit. P. 32.

⁹⁷ *Shaw B.D.* Op. cit. P. 10.

⁹⁸ См.: *Абрамзон М.Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э.–74 г. н.э.). СПб., 2005. С. 162.

⁹⁹ Там же. С. 45; *Braund D.C.* Piracy under the Principate... P. 207. Непосредственно с разбойниками боролся *latrunculator* (Ulp. Dig. 5.1.61.1).

бои жителей Трахонитиды, которые поощрял Зенодор. В итоге Ирод, который и прежде демонстрировал завидные успехи в борьбе с разбойниками (Ios. VI. I.10.5), блестяще справился с поставленной перед ним задачей (Ios. AI. XV.10.1). Порой вассальные цари с успехом противостояли и разбойникам, и пиратам – во всяком случае, они делали это лучше, чем римские наместники.

Так, доставшаяся царю Каппадокии Архелая I Филопатору (36 г. до н.э.–17 г. н.э.)¹⁰⁰ Киликия Трахея, по словам того же Страбона, «от природы представляла удобства для разбойников на суше и на море», поэтому римляне предпочли «оставить эту страну под властью царей, чем отдать её в управление римским префектам, посылаемым для отправления правосудия, которые не всегда могли там находиться или иметь под руками военные силы» (Strabo XIV.5.6). Между тем эскадры киликийских пиратов, терроризировавшие регион в I в. до н.э., действовали в союзе с парфянами (ibid. 2). Таким образом, внешняя угроза смыкалась с внутренней, которую более невозможно было игнорировать. Как пишет о современной ему ситуации Страбон, «в землях, подчинённых местным властителям, правители оказывают помощь жертвам насилия; они нередко в свою очередь нападают на разбойников и, захватив их “камары”, приводят назад вместе с экипажем. Области, подчинённые римлянам, более бессильны против этого зла из-за небрежения посылаемых туда правителей» (Strabo XI.2.12).

В 52 г. в Киликии разразился крупный мятеж: предводитель племени киегов Троксобор, чьи отряды бесчинствовали не только на суше (latrones), но и на море (piratae), осадил город Анемурий и даже рассеял отряд римской кавалерии под началом префекта Курция Севера. Однако царь Коммагены Антиох IV, действуя не столько грубой силой, сколько хитростью и дипломатией, сумел собственными силами ликвидировать возникший очаг напряжённости: по словам Тацита, он, «снискав расположение простых воинов и обманув их вожда, внёс раскол в скопище врагов и, предав смерти Троксобора и нескольких других главарей, милостивым обращением смирил остальных» (Tac. Ann. XII.55). Напротив, в 36 г. Архелай II¹⁰¹, управлявший киликийскими владениями своего отца, Архелая I¹⁰², не смог ничего поделать с теми же беспокойными киегами: «невоинственные царские войска» тут оказались малоэффективны (Tac. Ann. VI.41). Пришлось вмешаться наместнику Сирии Луцию Вителлию, который бросил против киегов крупные силы во главе с легатом Марком Требеллием, беспощадно подавившим мятеж (loc. cit.). Когда в 5 г. восстали гетулы, царь Мавретании Юба II, не сумев самостоятельно справиться с мятежниками, обратился за помощью к имперским властям. В следующем году восстание гетулов

¹⁰⁰ Об Архелая I см.: Sullivan R.D. The Dynasty of Cappadocia // ANRW. 1980. Tl. II. Bd. 7.2. P. 1147–1161.

¹⁰¹ См.: Sullivan R.D. Op. cit. P. 1167–1168.

¹⁰² См.: Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 192.

было подавлено проконсулом Африки Коссом Корнелием Лентулом (Dio Cass. LV.28.3–4; Vell. II.116.2; Flor. II.31.40). Как показывают приведённые примеры, римская администрация вмешивалась только в том случае, если вассальный правитель выказывал неспособность восстановить гражданский мир и правопорядок собственными силами.

Северо-западные рубежи империи защищали фракийские цари Реметалк I Сапей (11 г. до н.э. – 13 г. н.э.) и его брат Рескупорид III (13–19 гг.). Они участвовали в подавлении восстания в Паннонии (Dio Cass. LV.29.3–5; 30.3; Vell. II.112.4–5). Фракийское царство являлось не только «буфером», заслонявшим территорию империи от набегов воинственных германцев, сарматов, даков и бастарнов, но и плацдармом для военных действий против Парфии. После смерти Реметалка I (13 г.) Август разделил фракийские земли между дядей (Рескупоридом III) и племянником (Котисом III). Однако, узнав о смерти Августа, Рескупорид стал возмутителем спокойствия в вассальном царстве: по сообщению Тацита, «он принялся засылать в царство Котиса шайки разбойников и разрушать его крепости, выискивая поводы к открытой войне» (Тас. Анн. II.64). Дальше – больше: в 19 г. Рескупорид III вероломно захватил племянника (вскоре Котис был убит), после чего под предлогом войны против бастарнов и скифов, невзирая на запрет Тиберия, набрал крупное войско (ibid. 65). В ответ Тиберий принял решительные меры: вышедший из повиновения вассальный правитель был обманом захвачен, отправлен в Рим и приговорён к изгнанию в Александрию, где он вскоре и был убит (ibid. 66–67).

Наследником Рескупорида III стал его сын, Реметалк II (19–38 гг.), наследниками Котиса III¹⁰³ – его дети, Реметалк, Полемон и Котис (будущие правители клиентных монархий: царь Фракии Реметалк III, царь Малой Армении Котис IV и царь Понта Полемон II (Dio Cass. LIX.12.2; Strabo XII.3.29; Тас. Анн. XI.9.2); их опекуном был назначен сенатор Требеллен Руф, фактически ставший наместником Фракии (Тас. Анн. II.67.2). В 21 г. Реметалк II с помощью римских войск подавил восстание фракийских племён, недовольных и своим царём-коллаборационистом, и римскими властями во главе с Требелленом Руфом (Тас. Анн. III.38.3). Осаждённый в Филоппополе Реметалк, тем не менее, сумел разбить мятежников: к нему на помощь вовремя подоспел римский легион (ibid. 39). В 26 г. фракийцы подняли новое восстание, жестоко подавленное римлянами и царскими войсками (Тас. Анн. IV.46–51). Последний фракийский царь Реметалк III (38–46 гг.), «римлянин по духу и по взглядам»¹⁰⁴, в

¹⁰³ Был женат на Антонии Трифене, дочери Полемона I и Пифодориды.

¹⁰⁴ История Европы. Т. 1. Древняя Европа / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1988. С. 522.

46 г. пал жертвой заговора, после чего Фракия стала римской провинцией¹⁰⁵.

Восстание Такфарината¹⁰⁶ (17–24 гг.) в Северной Африке, хотя и не могло существенно отразиться на судьбах обширной империи, тем не менее, продлилось 7 лет и ознаменовалось рядом поражений римских войск (Тас. *Ann.* II.52; III.20–21; 32; 73–74; IV.13; 23–26)¹⁰⁷. В молодости Такфаринат служил в римских вспомогательных частях, *auxilia* (в пехоте или коннице, неизвестно) (Тас. *Ann.* II.52). По неизвестной причине Такфаринат дезертировал и возглавил разбойничью шайку (*loc. cit.*), став, таким образом, «дезертиром и разбойником» (*desertor et praedo*) (Тас. *Ann.* III.73.2). Как сообщает Тацит, под началом Такфарината состояли такие же, как и он, дезертиры, покинувшие ряды римских вспомогательных войск (*ibid.* 20), а также племя мусуламиев (Тас. *Ann.* II.52.1). Под пресловутым «разбоем» (*latrocinium*) Тацит, скорее всего, имел в виду ту «малую войну», которую Такфаринат в течение ряда лет вёл в Северной Африке против римлян и зависимых от них местных властей – правителя Мавретании Юбы II¹⁰⁸ и его сына и наследника Птолемея Филадельфа (внука Клеопатры VII).

Юба II, интеллектуал на троне, на протяжении нескольких десятилетий в целом эффективно контролировал кочевые племена гетулов, гарамантов и мавров¹⁰⁹. Теперь ему предстояло вплотную заняться борьбой с Такфаринатом. Однако Юба не сумел подавить движение в самом его начале. Восстание Такфарината, насколько можно судить по описанию Тацита, вскрыло такие пороки римского «империализма», как неэффективность провинциальной администрации, произвол и злоупотребления римлян по отношению к жителям Северной Африки, с которыми они обращались, по словам Страбона, «то как с “друзьями”, то по-вражески» (Strabo XVII.3.12). Косвенным образом на это указывает тот факт, что восстание Такфарината активно поддержали соседние племена мавров под пред-

¹⁰⁵ Иногда эти события относят к 44–45 гг. См.: Златковская Т.Д. Мёзия в I–II веках нашей эры: К истории Нижнего Дуная в римское время // Причерноморье в античную эпоху. М., 1951. Вып. 2. С. 51–52.

¹⁰⁶ *Tacfarinas*, Такфаринат – латинизированная форма берберского имени «Тикфарин».

¹⁰⁷ Р. Сайм считал, что, описывая войну с Такфаринатом, Тацит сознательно подражал «Югуртинской войне» Саллюстия (*Syme R. Tacfarinas, the Musulamii and Thubursicu // Studies in Honor of A.C. Johnson. Princeton, 1951. P. 120*). По мнению Т. Грюневальда, Тацит, последовательно критикуя режим «некомпетентного дилетанта» (*sic!*) Тиберия, намеренно исказил черты реального Такфарината, создав сугубо негативный образ «разбойника» (*praedo, latro*), предводителя буйной шайки грабителей (*Grünwald Th. Op. cit. P. 54*).

¹⁰⁸ Мавретания досталась Юбе II от Августа в качестве *donum populi Romani* (Тас. *Ann.* IV.5).

¹⁰⁹ *Whittaker C.R. Ethnic Discourses on the Frontiers of Roman Africa // Ethnic Constructs in Antiquity: the Role of Power and Tradition / Derks T., Roymans N. (eds.). Amsterdam, 2009. P. 191.*

водительством Мазиппы (Тас. Ann. II.52.2), немало уроженцев римской Африки (Тас. Ann. II.52; IV.23), а также нумидийское племя гетулов (Vict. Caes. 2.3; Epit. De Caes. 2.8). Наконец, на последнем этапе восстания царь гарамантов прислал на помощь Такфаринату свои отряды (Тас. Ann. III.74.2; IV.23.2).

Едва разгоревшись, пожар мятежа отозвался эхом на берегах Тибра: в контексте «критики режима» Тацит сообщает о привлечении к суду Карсидия Сацердота и потомка старинного рода Гая Гракха, которых некие недоброжелатели обвинили в снабжении африканских мятежников хлебом; тем не менее, оба были оправданы (Carsidius Sacerdos, reus tamquam frumento hostem Tacfarinatam iuvisset, absoluitur, eiusdemque criminis C. Gracchus) (Тас. Ann. IV.13), причём Тацит недвусмысленно выразил уверенность в том, что выдвинутые против них обвинения были заведомо ложными (loc. cit.). Часть своего войска¹¹⁰ Такфаринат организовал по римскому образцу (divisusque exercitus, ut Tacfarinas lectos viros et Romanum in modum armatos castris attineret, disciplina et imperiis suesceret) (Тас. Ann. II.52). Проконсул Африки Марк Фурий Камилл сумел нанести поражение мятежникам (18 г.), за что получил от сената триумфальные украшения (loc. cit.). Однако вскоре Такфаринат собрался с силами и возобновил набеги на территорию римской провинции. Ему даже удалось разгромить римскую когорту: её командир доблестно пал в бою, тогда как сами легионеры обратились в позорное бегство (Тас. Ann. III.20). Преемник Камилла, Луций Априоний (18–20 гг.), наказал беглецов посредством децимации и нанёс врагу несколько ощутимых ответных ударов (Тас. Ann. III.21; ср.: CIL X 7257 = ILS 939). Тем не менее, Такфаринат продолжал вести «малую войну». В 21 г. он осмелился предложить Тиберию начать мирные переговоры и даже потребовал у императора земли для расселения своих людей, «в противном случае угрожая беспощадной войной» (Тас. Ann. III.73). В ответ Тиберий принял решительные меры: новый проконсул, Квинт Юний Блез¹¹¹, дядя всесильного Сеяна (Тас. Ann. III.72; IV.26), поставленный во главе двух легионов¹¹² (Тас. Ann. III.9; IV.5), в очередной раз нанёс поражение Такфаринату «путём комбинированной военной операции»¹¹³ и даже по старинному обычаю прямо на поле боя был провозглашён «императором»¹¹⁴ (Тас. Ann. III.74; Vell. II.125.5).

Несмотря на это, война в Северной Африке продолжалась. С едкой иронией Тацит пишет: «В Риме уже стояли три увенчанные лаврами статуи, а Африку по-прежнему грабил Такфаринат» (Тас.

¹¹⁰ Это были непосредственно подчинённые ему отряды, основу которых составили такие же, как и он сам, дезертиры; союзные Такфаринату племена мавров вряд ли можно было подчинить воинской дисциплине по римскому образцу.

¹¹¹ Ему продлили полномочия на 22 г. (Тас. Ann. III.58).

¹¹² III Августов и IX Испанский.

¹¹³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 463.

¹¹⁴ Последний случай в римской истории.

Ann. IV.23.1). Между тем сам факт передислокации IX Испанского легиона из Африки в Паннонию (loc. cit.), означавший ослабление римской группировки в Северной Африке, вдвойне сыграл на руку Такфаринату, который распространял среди местного населения слухи, будто в других областях империи тоже возникли волнения (Тас. Ann. IV.24.1). В 24 г. проконсул Публий Корнелий Долабелла перешёл в решительное наступление против Такфарината, причём деятельную помощь римлянам оказал новый мавретанский царь Птолемей, преемник умершего Юбы II¹¹⁵. В сражении при Авзии в Мавретании Такфаринат, доблестно сражаясь, нашёл свою смерть. Тацит так пишет об этом: «А он (Такфаринат. – В.Н.), увидев, что его телохранители оттеснены, что его сын уже заключён в оковы, что со всех сторон к нему устремляются римляне, избежал плена, бросившись на их мечи и недёшево продав свою жизнь» (Тас. Ann. IV.25.6). Через несколько лет после подавления восстания Такфарината последний вассальный царь Мавретании Птолемей Филадельф был казнён по приказу Калигулы, а на месте бывшего клиентного царства были созданы две провинции – Мавретания Цезарейская и Мавретания Тингитанская (см. выше).

Итак, в переплетении разнообразных экономических, политических и культурных связей, отношений и взаимных обязательств существовали Рим и вассальные монархии. Обе стороны преследовали свои интересы, разрешая возникавшие время от времени проблемы и конфликты военным путём или посредством дипломатии¹¹⁶. Рим получал немалую и разнообразную выгоду от своих сателлитов (satellites), которые в ходе военных кампаний выставляли вспомогательные контингенты (auxilia)¹¹⁷ и обеспечивали римские легионы всем необходимым, а в мирное время более или менее эффективно боролись с разбойниками и пиратами, обеспечивая на окраинах империи относительное спокойствие и правопорядок (ср.: Caes. Bell. Alex. 65; Dio Cass. XXXVIII.38.4). Издержек здесь было, пожалуй, меньше, чем выгоды: даже то обстоятельство, что регулярных платежей из вассальных царств поступало в Рим гораздо меньше, чем из провинций¹¹⁸, в какой-то мере искупалось тем, что клиентные цари за свой счёт снаряжали вспомогательные воинские контингенты и время от времени приезжали в Рим к императорскому двору с богатыми дарами¹¹⁹.

В свою очередь, союзники Рима чувствовали себя увереннее под сенью могущественной Римской державы, уже самим фактом своего существования надёжно защищавшей их от посягательств со

¹¹⁵ Тас. Ann. IV.24.3 О роли Юбы II и Птолемея Филадельфа в подавлении восстаний гетулов и Такфарината см.: *Vanacker W. Conflicts and Instability in Mauretania and Gaius' Realpolitik // Latomus. 2013. Vol. 72. P. 725–741.*

¹¹⁶ Ф. Миллар определил политику Рима по отношению к царям-клиентам как «сочетание силы и дипломатии» (*Millar F. Op. cit. P. 171*).

¹¹⁷ *Millar F. Op. cit. P. 219–220, 233.*

¹¹⁸ Клиентные царства не платили трибут (*Ibid. P. 202*).

¹¹⁹ *Goodman M. Op. cit. P. 112.*

стороны воинственных соседей. Об этом, в частности, пишет Тацит: *accolis Hiberno Albanoque et aliis regibus qui magnitudine nostra proteguntur adversum externa imperia* (Tac. Ann. IV.5.2). Для вассального правителя дружба (*amicitia*) римского народа была «украшением и защитой» (*ornamento et praesidio*) (Caes. BG. I.44.5). В моральном плане это понятие – *praesidium ornamentumque* – ко многому обязывало (см.: Plin. Ep. VI.18.2), защищать «своих» от «чужих» для римлян было делом чести (см.: Caes. Bell. Alex. 34; Cic. Fam. XV.2.4). Недаром Цицерон однажды назвал Рим «прибежищем для иноземных царей и народов» (*arcem regum ac nationum exterarum*) (Cic. Sull. 33. Пер. В.О. Горенштейна). Поэтому такие «дружественные цари», как, например, царь Кипра Птолемей (*rex amicus*), имели все основания полагаться «на державу римского народа» (*fretus imperio populi Romani*) (Cic. Sest. 57), хотя их ожидания оправдывались не всегда, о чём свидетельствует печальная судьба того же Птолемея¹²⁰. Опять-таки Цицерон как-то раз позволил себе публично всласть поиздеваться над «незнатным царём» (*ignobilem regem*), Антиохом I Коммагенским¹²¹, поводом для чего послужило полученное им от Помпея почётное право носить тогу с пурпурной каймой (Cic. Qu. fr. II.10.2–3).

Факт остаётся фактом: перед холодным политическим расчётом далеко на задний план отступали соображения чести и верности своим союзническим обязательствам. Так, римляне не стали оказывать военную помощь своему ставленнику, царю свевов Ваннию¹²² (правитель т.н. *regnum Vannianum*), в 50 г. свергнутому собственными племянниками, поскольку последние засвидетельствовали Риму свою преданность (Tac. Ann. XII. 29–30). В этот раз Клавдий ограничился тем, что приютил царственного изгнанника в Паннонии (*ibid.* 30)¹²³. Аналогичным образом около 83 г.¹²⁴ администрация Домициана не поддержала царя херусков Хариомера, который, по сообщению Диона Кассия, «из-за своей дружбы с римлянами был отстранён от власти хаттами» (Dio Cass. LXVII.5.1). Когда Хариомер обратился за помощью к Домициану, «в военной помощи ему было отказано, но деньги он получил» (*loc. cit.*).

Британия представлялась римлянам «краем земли и природы» (Tac. Agr. 33.6). По прошествии нескольких десятилетий после двух

¹²⁰ В 58 г. до н.э. римляне, особо не утруждая себя поисками законного предложения, аннексировали Кипр, а несчастный царь Птолемей – брат ещё одной римской креатуры, египетского царя Птолемея XII Авлета, – покончил с собой, приняв яд. См.: Бивен Э. Династия Птолемея: История Египта в эпоху эллинизма. М., 2011. С. 394–395.

¹²¹ Об Антиохе I см.: *Facella M. La dinastia degli Orontidi nella Commagene ellenistico-romana*. Pisa, 2006. P. 225–297.

¹²² О Ваннии см.: *Kehne P. Vannius* // RGA. 2. Aufl. B., 2006. Bd. 32. S. 69–70.

¹²³ См.: *Колосовская Ю.К. Паннония в I–III веках*. М., 1973. С. 209–210.

¹²⁴ См.: Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб., 2011. С. 73. Прим. 81.

экспедиций Цезаря на Британские острова (в 55 и 54 гг. до н.э.), носивших разведывательно-демонстрационный характер¹²⁵, Август заключил с некоторыми из племенных вождей бриттов союзные договоры (RGDA. 32.1), в результате чего, по словам Страбона, остров стал «фактически достоянием римлян» (Strabo IV.5.3). Во времена Августа клиентные цари, правившие на юго-востоке Британии, чеканили свою золотую и серебряную монету с латинской легендой и греко-римской символикой¹²⁶. Экономическая целесообразность завоевания Британии была под большим вопросом, поэтому никаких военных акций здесь не предпринималось вплоть до 43 г. В 43–84 гг. римляне завоевали значительную часть Британии, откуда могли получать «рабов, рекрутов, продовольствие и сырьё, разрабатывать рудники, иметь рынки своих товаров»¹²⁷. Местные племена либо покорно признавали власть римлян, либо оказывали сопротивление римской агрессии: так, в 61 г. царица иценов (населявших земли в районе современного Норфолка) Боудика, вдова царя-клиента Прасутага, возглавила антиримское восстание племён Центральной Британии (Tac. Ann. XIV.31.1; Agr. 16.1).

Восставшие захватили Камулодун, Верулакий, Лондиний и перебили живших там римлян. Однако в конечном счёте восстание было подавлено римскими войсками. Потерпев поражение, Боудика, как сообщает Тацит, покончила с собой (Tac. Ann. XIV.37.3. По данным Диона Кассия (Dio Cass. LXII.12.6), царица заболела и умерла¹²⁸). Напротив, царь атребатов и белгов Тогидубн был верным вассалом Рима (Tac. Agr. 14.2). В Чичестерской надписи он именуется «великим царём Британии» (*regis magni Britanniae*¹²⁹) (RIB. 91, v. 5). Тогидубн (как римский гражданин этот клиент императора Клавдия носил имя Тиберий Клавдий Тогидубн) стал последним известным нам клиентным царём в Британии: после его смерти (ок.

¹²⁵ Федотов В.В. Указ. соч. С. 281.

¹²⁶ См.: Williams J.H.C. Op. cit. P. 73; *De la Bédoyère G. The Real Lives of Roman Britain: A History of Roman Britain through the Lives of Those Who Were There.* L., 2015. P. 8–13.

¹²⁷ Федотов В.В. Указ. соч. С. 282.

¹²⁸ По мнению Г. де ла Бедуайера, Тацит и Дион Кассий создали литературный образ Боудики – героической защитницы «национальных» ценностей, возглавившей борьбу бриттов против римского господства, – образ, который они противопоставили созданной ими же картине перманентного «упадка нравов» в Риме в условиях императорской тирании (*De la Bédoyère G. Op. cit. P. 28*). «Речи» Боудики у Тацита (Tac. Ann. XIV.35) и Диона Кассия (Dio Cass. LXII.3–6), как считает Э. Адлер, содержат критику римской провинциальной администрации и в целом представляют собой «смешение антиимпериалистических и проримских чувств» (*Adler E. Valorizing the Barbarians: Enemy Speeches in Roman Historiography.* Austin, 2011. P. 118).

¹²⁹ Возм.: “*regis magni Britannorum*”.

75 г.) римляне включили бывшие владения Тогиудубна в состав провинции¹³⁰.

Отношения между принцепсами и вассальными царями, как между патронами и клиентами, носили личный, иногда даже дружественный характер. Примером тому служат отношения таких представителей династии Иродиадов, как её основатель Ирод I Великий и Ирод Агриппа I, с членами императорского дома Юлиев – Клавдиев. Порой смерть августейшего патрона оборачивалась роковыми последствиями для вассального правителя. Когда Ирод Антипа вступил в конфликт с царём Набатеи Аретой IV Филопатором, Тиберий принял сторону Антипы, велел сирийскому наместнику Луцию Вителлию примерно наказать набатейского царя. Однако не успел Вителлий выступить в поход, как Тиберий умер (37 г.), на престол вступил Калигула, и военная кампания завершилась, не начавшись (Ios. Al. XVIII.5.1–3). В 39 г. Ироду Антипе пришлось лично отправиться в Рим, ко двору Калигулы, который в угоду своему другу Агриппе I отобрал у Антипы тетрархию, а его самого сослал в Лугдун (Ios. Al. XVIII.7.2).

Как-то раз Цицерон назвал Рим «господином царей» (*dominus regum*) (Cic. Dom. 90). В эпоху Республики клиентные монархи нередко страдали от алчности и вероломства представителей римской олигархии (Sall. BI. 31.9; Ep. Mithr. 8). Во времена Империи в этом отношении мало что принципиально изменилось. Зависимость клиентных правителей от своего августейшего патрона была полной. Так повелось ещё со времён Августа – создателя системы клиентных царств на рубежах империи. Как пишет о вассальных царях Светоний, «не раз они покидали свои царства, чтобы повседневно сопровождать его не только в Риме, но и в провинциях – без царских отличий, одетые в тоги, прислуживая ему, как клиенты» (Suet. Aug. 60). В своей повседневной административной деятельности вассальные цари зачастую опирались на расквартированные в их владениях римские войска (Caes. Bell. Alex. 33; Ios. Al. XV.3.7; Tac. Ann. XII.15; 45; Dio Cass. LXXI.3.1). По-видимому, эти римские части обеспечивали не только охрану самих монархов, но и контроль Рима за своими августейшими клиентами. Впрочем, кое-какие вольности эти правители могли себе позволить. Например, когда в 35 г. Тиберий, продолжавший борьбу с Артабаном III, послал крупные суммы денег царям Иберии и Албании, чтобы они напали на парфян в Армении, те уклонились от прямой военной акции, выбрав иной вариант: они пропустили через свои владения полчища сарматов (Иосиф Флавий называет их «скифами»), которые опустошили северные районы Парфии (Tac. Ann. VI.33; Ios. Al. XVIII.4.4). Для того чтобы возникло подозрение в нелояльности, клиентному правителю достаточно было совершить один неверный шаг, не-

¹³⁰ См.: *De la Bédouère* G. Op. cit. P. 32–36. Монетная чеканка клиентных царей в Британии исчезла ещё раньше (с началом римского вторжения в 43 г.). См.: *ibid.* P. 34.

большой промах, который был чреват для него весьма серьёзными последствиями.

В частности, вассальный царь обязательно должен был получить из Рима утверждение при восшествии на престол; в противном случае он рисковал навлечь на себя немилость императора. Так вышло с царём Набатеи Аретой IV (9 г. до н.э. – 40 г. н.э.), который «забыл» уведомить Августа о своём воцарении, чем вызвал гнев принцепса (Ios. Al. XVI.9.4; 10.9). Важно отметить следующее: с одной стороны, Рим был заинтересован в сильных вассальных царствах, составлявших своего рода «щит» империи, прикрывавший её от вражеских нашествий, с другой – опасался чрезмерного усиления клиентных царей, которые в определённой ситуации могли выступить против империи¹³¹. Когда Агриппа I, пользовавшийся исключительным расположением Клавдия, по собственной инициативе начал сооружение новых крепостных стен вокруг Иерусалима, наместник Сирии Гай Вибий Марс немедленно уведомил об этом императора. Как пишет Иосиф Флавий, Клавдий, «усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не считал возможным послушаться» (Ios. Al. XIX.7.2. Ср.: Ios. VI. II.11.6). В 42 г. в Тивериаде состоялся съезд правителей ряда клиентных царств Востока. Гостеприимный кров Агриппы I почтили своим присутствием Антиох IV Коммагенский, «великий царь» Эмесы Сампсикерам II, понтийский царь Полемон II, правитель Малой Армении Котис IV и Ирод Халкидский (брат Агриппы I). Самого факта этой встречи оказалось достаточно, чтобы у бдительного Марса возникли подозрения в нелояльности царственных клиентов императора. Наместник лично отправился в Тивериаду, чтобы потребовать от гостей Агриппы немедленно уехать восвояси (Ios. Al. XIX.8.1). Этот случай наглядно показывает степень самостоятельности вассальных царей¹³².

Преемники Августа, и прежде всего Тиберий¹³³, взяли курс на ликвидацию клиентных царств, присоединяя их к империи в качестве провинций¹³⁴. Тиберий порой довольно жёстко поступал с вассальными правителями; в частности, он приказал задержать и лишил власти царя Каппадокии Архелая I Филопатора¹³⁵ и фракийского династа Рескупорида III (Suet. Tib. 37.4; Tac. Ann. II. 42. 2–3; 67; Dio Cass. LVII.17.4). На Архелая I (36 г. до н.э. – 17 г. н.э.) собственные подданные жаловались ещё Августу (Dio Cass. LVII.17.3), который даже был вынужден назначить в Каппадокию регента (гес-

¹³¹ Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 98.

¹³² Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949. С. 133.

¹³³ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 173.

¹³⁴ См.: Millar F. Op. cit. P. 235.

¹³⁵ Римляне расширили его владения за счёт Киликии Трахеи и Малой Армении (Dio Cass. LIV.9.2; Strabo XIV.5.6).

tor, или epitropos¹³⁶) (Suet. Aug. 48; Dio Cass. LVII.17.5). В начале правления Тиберия Архелай, с которым у Тиберия были давние счёты (Тас. Анн. II.42.2), был слабоумным стариком, разбитым подагрой: на слушание дела в сенате его принесли на носилках (Dio Cass. LVII.17.4–6). Царь был осуждён, однако Тиберий не стал его казнить (ibid. 5). Вскоре Архелай I умер (17 г.), и Каппадокия стала римской провинцией¹³⁷ (Тас. Анн. II.42; Strabo XII.1.4; Dio Cass. LVII.17.7).

Что касается Рескупорида III, то он был лишён власти, сослан и убит, поплатившись за вероломное убийство племянника, Котиса III (Тас. Анн. II.67). Сыновья последнего, Реметалк, Полемон и Котис (внуки Полемона I), с 26 г. воспитывались в Риме при дворе Тиберия¹³⁸ вместе с Гаем Цезарем – будущим императором Калигулой¹³⁹, который, придя к власти, в 38 г. назначил друзей своей юности¹⁴⁰ правителями вассальных царств: Реметалка III – царём Фракии, Котиса IV – царём Малой Армении, Полемона II – царём Понта¹⁴¹. Последнему Клавдий в 41 г. даровал ещё и область в Киликии (Dio Cass. LX.8.2). Полемон II всячески подчёркивал свою лояльность династии Юлиев-Клавдиев: так, он был первым из понтийских царей, кто поместил портреты императора и его родственников на реверс своих монет¹⁴².

В 46 г., после гибели последнего фракийского царя Реметалка III (38–46 гг.), Фракия стала римской провинцией. В 47 г. Котиса IV сместил Клавдий (Тас. Анн. XI.9.2), а в 72 г., при Веспасиане, Малая Армения вместе с Каппадокией и Галатией вошла в состав обширного наместничества¹⁴³. Наконец, Полемон II оказался последним царём Понта: в 64 г. Нерон, заручившись «согласием» Полемона¹⁴⁴, ликвидировал Понтийское царство и присоединил его территорию к провинции Галатии (Suet. Ner. 18; Eutrop. VII.14.5; Aurel. Vict. Caes. 5.2). После превращения в провинцию Набатей (106 г.) из всей системы вассальных государств лишь Боспорское царство вплоть до IV в. сохраняло свой политический статус и место в оборонительной системе Римской империи. Констатируем непрелож-

¹³⁶ Д. Браунд считает, что здесь, по сути, речь идёт об опеке, tutela (Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 147).

¹³⁷ Тацит в «Анналах» под 36 г. упоминает о каппадокийском царе Архелайе II, за которым римляне, видимо, сохранили статус вассального царя (Тас. Анн. VI.41.1).

¹³⁸ См.: Сапрыкин С.Ю. Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. 1993. № 2. С. 32.

¹³⁹ «Вместе воспитанные сотоварищи» (Syll.³ 798.6/7).

¹⁴⁰ Все они обладали правами римского гражданства с именем Гай Юлий. См.: Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 41–42.

¹⁴¹ Barrett A. Caligula. The Corruption of Power. L.; N.Y., 2001. P. 223.

¹⁴² См.: Dahmen K. Op. cit. P. 103.

¹⁴³ См.: Cumont F. L'annexion du Pont Polémoniaque et de la Petite Arménie // Anatolian Studies presented to Sir W.M. Ramsay / Buckler W.R., Calder W.M. (eds.). Manchester, 1923. P. 114 and notes; Reinach Th. Le mari de Salomé et les monnaies de Nicopolis d'Arménie // REA. 1914. T. 16. P. 133–158.

¹⁴⁴ Потеряв корону Понта, Полемон остался царём Киликии.

ный факт: оставленная Августом в наследство своим преемникам политика замещения вакантных престолов в сопредельных (Парфия, германские раннегосударственные образования) или вассальных по отношению к Риму монархиях (Каппадокия, Мавретания, Фракия, Малая Армения, Понт, Иудея) римскими ставленниками из числа «облагороженных» греко-римской цивилизацией варваров, к началу II в. окончательно себя исчерпала и сошла на нет. На протяжении I в. одно за другим клиентные царства ликвидируются и входят в состав Империи, получая провинциальное управление: в 17 г. – Каппадокия, в 44 г. – Мавретания, в 46 г. – Фракия, в 64 г. – Понт, в 72 г. – Малая Армения. После смерти Агриппы II римляне ликвидировали последние остатки иудейской государственности. Чем же был обусловлен отказ от системы зависимых царств, «стоящих на страже державы»? Однозначного ответа на этот вопрос нет и быть не может.

Видимо, какое-то время в Риме питали определённые иллюзии в отношении избранных представителей варварских элит, попадавших в «счастливейший плен» (Плутарх): этих выходцев из «тьмы варварства» пытались превратить в «детей света» (термины Д. Балсдона), «облагородив» их греко-римским воспитанием и образованием. Среди «счастливых», призванных стать проводниками политического и культурного влияния Рима на периферии огромной империи, были представители разных этносов: парфяне и фракийцы, африканцы и евреи, германцы и уроженцы Малой Азии. Некоторые из них глубоко погрузились в чужую культуру, искренне её любя, и собственными трудами сумели приумножить её интеллектуальные достижения (самый яркий пример – *rex literatissimus*, антиквар и эрудит Юба II), другие – и таких было большинство – усвоили лишь внешний лоск этой культуры, пристрастившись к комфорту и зрелищам (Агриппа I и Агриппа II).

В некоторых случаях, по-видимому, немаловажную роль играли фискальные соображения: так, после смерти в 17 г. престарелого каппадокийского царя Архелая I Филопатора (статус вассального царя был, видимо, всё же сохранён за его сыном, Архелаем II. См.: Тас. *Ann.* VI.41), аннексии его владений и конфискации царской казны Тиберий смог вдвое снизить налог с торгового оборота (Тас. *Ann.* II.42.4). По мнению Дэвида Браунда, причиной расправы с несчастным Птолемеем Филадельфом вполне могло быть стремление Калигулы завладеть богатствами мавретанских царей¹⁴⁵. Уместно вспомнить, что прозаическое стремление пополнить свою казну за счёт чужой склоняло римлян в пользу аннексии зависимых царств ещё в республиканскую пору: когда в 58 г. до н.э. Катон Младший от имени сената и народа был направлен на Кипр, чтобы официально водворить на острове римскую власть¹⁴⁶, в Риме от этой по-

¹⁴⁵ Braund D.C. *Rome and the Friendly King...* P. 97.

¹⁴⁶ См.: Oost S.I. *Cato Uticensis and the Annexation of Cyprus* // *CPh.* 1955. Vol. 50. P. 98–112.

чётной миссии ожидали в первую очередь поступления немалых денежных средств (Plut. Cato Minor. 34–39; Vell. II.45.4–5).

Что касается мнения местного населения, которое, по понятным причинам, мало интересовало римскую администрацию, то здесь едва ли можно что-либо выяснить со всей определённой ввиду крайне противоречивых свидетельств наших источников. К примеру, по сообщению Иосифа Флавия, после смерти царя Коммагены Антиоха III (17 г.) знать и простонародье направили в Рим две делегации, причём «знать просила обратить область в римскую провинцию, народ, однако, желал иметь по-прежнему своих царей» (Ios. AI. XVIII.2.5). Между тем Тацит в «Анналах» даёт нам противоположную картину: по его словам, «большинство выражало желание, чтобы ими правили римляне, а остальные – чтобы их собственные цари» (plerisque Romanum, aliis regium imperium cupientibus) (Tac. Ann. II.42.5). Таким образом, классический вопрос *cui prodest?* («кому на пользу» – местным элитам, гражданским общинам или имперской администрации в Риме?) применительно к теме ликвидации клиентных монархий остаётся открытым. Не подлежит сомнению лишь тот факт, что постепенная замена системы вассалитета практикой прямого управления через наместников¹⁴⁷, когда зависимые от Рима народы получали «обложение данью, законы и вместо тени царя римское владычество» (*se tributa ac leges et pro umbra regis Romanum ius victis impositurum*) (Tac. Ann. XV.6.4), произошла на фоне усиления авторитарной власти принцепса и относительного углубления централизации в империи, по большому счёту продолжавшей оставаться «государством без бюрократии»¹⁴⁸.

Литература:

Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб., 2005.

Анохин А.С. «Римское» в политике Антиоха IV Эпифана // Человек, семья, нация в контексте мировой культуры. Сборник докладов XXXIV Всероссийской научной конференции «Добролюбовские чтения-2010» и Всероссийской научно-практической конференции «К молодой семье через культуру» / Под ред. Дмитриевской Г.А., Строецкого В.М. Н. Новгород, 2010. С. 102–108.

Балахванцев А.С. Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160.

Бивен Э. Династия Птолемеев: История Египта в эпоху эллинизма. М., 2011.

¹⁴⁷ На деле существенной разницы между зависимым царством и провинцией, между вассальными царями и римскими наместниками не было. См.: Strabo XVII.3.25. Ср.: Braund D.C. Rome and the Friendly King... P. 84; Isaac B.H. The Limits of Empire... P. 26.

¹⁴⁸ См.: Смышляев А.А. Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) // Античность и современность. М., 1991. С. 30–42; Purcell N. The Arts of Government // The Oxford History of the Classical World / Boardman J. et al. (eds.). Oxf.; N.Y., 1986. P. 560 ff.; Burton G.P. Government and the provinces // The Roman World. Vol. I. L.; N.Y., 1987. P. 423 ff.; Burton G.P. The Roman Imperial State (A.D. 14–235): Evidence and Reality // Chiron. 32. 2002. P. 264 ff.

- Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим: Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М., 1966.
- Габелко О.А.* К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // АМА. 2009. Вып. 13. С. 92–119.
- Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии. СПб., 2008.
- Дмитрев А.Д.* Движение *latrones* как одна их форм классовой борьбы в Римской империи // ВДИ. 1951. № 4. С. 61–72.
- Златковская Т.Д.* Мёзия в I–II веках нашей эры: К истории Нижнего Дуная в римское время // Причерноморье в античную эпоху. Вып. 2. М., 1951.
- История Европы. Т. 1. Древняя Европа / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1988.
- Колосовская Ю.К.* Паннония в I–III веках. М., 1973.
- Колосовская Ю.К.* Рим и мир племён на Дунае. I–IV вв. н.э. М., 2000.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. СПб., 1995.
- Немировский А.А.* Агриппа II // ПЭ. Т. I. М., 2000. С. 270–271.
- Никишин В.О.* Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков // Египет и сопредельные страны. 2017. Вып. 2. С. 43–59.
- Панов А.Р.* Август и парфянские заложники в Риме // ПИФК. 2016. № 1. С. 136–149.
- Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949.
- Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.
- Сапрыкин С.Ю.* Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. 1993. № 2. С. 25–38.
- Смышляев А.Л.* Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) // Античность и современность. М., 1991. С. 30–42.
- Федина Ю.А.* Галатия в восточной политике Рима в I в. до н.э. // ПИФК. 2012. Вып. 1(35). С. 61–68.
- Федотов В.В.* Историческая география античного мира. М., 1996.
- Adler E.* Valorizing the Barbarians: Enemy Speeches in Roman Historiography. Austin, 2011.
- Alföldi A.* Die ethische Grenzscheide am römischen Limes // Schweizer Beiträge zur allgemeinen Geschichte. 1950. Bd. 8. S. 37–50.
- Alföldi A.* The Moral Barrier on Rhine and Danube // The Congress of Roman Frontier Studies 1949 / Birley E. (ed.). Durham, 1952. P. 1–16.
- Arslan M.* Piracy on the Southern Coast of Asia Minor and Mithridates Eupator // Olba. 2003. Vol. 8. P. 195–212.
- Balsdon J.P.V.D.* Romans and Aliens. L., 1979.
- Bar D.* Frontier and Periphery in Late Antique Palestine // GRBS. 2004. Vol. 44. P. 69–92.
- Barrett A.* Caligula. The Corruption of Power. L.; N.Y., 2001.
- Bivar A.D.H.* The Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. Vol. 3.1 / E. Yarshater (ed.). Cambr., 1983. P. 21–99.
- Braund D.C.* Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. L., 1984.
- Braund D.C.* Anth. Pal. 9.235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile // CIQ. 1984. Vol. 34(1). P. 175–178.
- Braund D.C.* Piracy under the Principate and the Ideology of Imperial Eradication // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society. Vol. 5. L., 1993. P. 195–212.
- Brunt P.A.* Roman Imperial Themes. Oxf., 1990.

- Burton G.P. Government and the provinces // *The Roman World*. Vol. I. L.; N.Y., 1987. P. 415–448.
- Burton G.P. The Roman Imperial State (A.D. 14–235): Evidence and Reality // *Chiron*. 2002. Bd. 32. P. 249–280.
- Cherry D. Frontier and Society in Roman North Africa. Oxf., 1998.
- Colledge M.A.R. The Parthians. L., 1967.
- Coşcun A. Amicitiae und politische Ambitionen im Kontext der causa Deiotariana // *Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat* / Coşcun A. (hg.). Göttingen, 2005. S. 127–154.
- Coşcun A. Das Ende der “romfreundlichen” Herrschaft in Galatien und das Beispiel einer “sanften” Provinzialisierung // *Freundschaft und Gefolgschaft in den answärtigen Beziehungen der Römer (2. Jh. V.Chr. – 1. Jh. N. Chr.) / Inklusion/Exklusion. Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart*. Bd. 9 / A. Coşcun (hg.). Frankfurt am Main., 2008. S. 133–164.
- Amici Populi Romani: Prosopographie der auswärtigen Freunde Roms / Prosopography of the Foreign Friends of Rome. APR 03 (22/04/2010), Waterloo / Coşcun A. (hg.).
- Cumont F. L'annexion du Pont Polémoniaque et de la Petite Arménie // *Anatolian Studies presented to Sir W.M. Ramsay* / Buckler W.R., Calder W.M. (eds.). Manchester, 1923. P. 109–119.
- Dahmen K. With Rome in mind? Case Studies in the Coinage of Client Kings // *Kingdoms and Principalities in the Roman Near East / Oriens et occidentes*. Bd. 19 / T. Kaizer, M. Facella (eds.). Stuttgart, 2010. P. 99–112.
- De la Bédoyère G. The Real Lives of Roman Britain: A History of Roman Britain through the Lives of Those Who Were There. L., 2015.
- Desanges J. L'Hellénisme dans le royaume protégé de Maurétanie (25 avant J.-C. 40 après J.-C.) // *BAC*. N. s. 1984–1985 (1989). T. 20–21b. P. 53–61.
- Dobiáš J. King Maroboduus as a Politician // *Klio*. 1960. Bd. 38. P. 155–166.
- Edson C.F. Perseus and Demetrius // *HSCPh*. 1935. Vol. 46. P. 191–202.
- Elton H. Frontiers of the Roman Empire. L., 1996.
- Facella M. La dinastia degli Orontidi nella Commagene ellenistico-romana. Pisa, 2006.
- Faur J.-C. Caligula et la Maurétanie: la fin de Ptolémée // *Klio*. 1973. Bd. 55. P. 249–271.
- Fishwick D. The annexation of Mauretania // *Historia*. 1971. Bd. 20. P. 467–487.
- Fishwick D., Shaw B.D. Ptolemy of Mauretania and the Conspiracy of Gaetulicus // *Historia*. 1976. Bd. 25. P. 491–494.
- Goodman M. The Roman World 44 BC – AD 180. L.; N.Y., 1997.
- Gowing A.M. Tacitus and the Client Kings // *TAPhA*. 1990. Vol. 120. P. 315–331.
- Grünwald Th. Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. L.; N.Y., 2004.
- Gsell S. Juba II, savant et écrivain // *RAfr*. 1927. T. 68. P. 169–197.
- Günther R. Das Latrocinium als eine besondere Form des Widerstands der unterdrückten Klassen und Barbaren im römischen Sklavenhalterstaat während des Prinzipats. Leipzig, 1953.
- Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxf., 1979.
- Hekster O. Trophy kings and Roman power: A Roman perspective on client kingdoms // *Kingdoms and principalities in the Roman Near East (Oriens et Occidentis. 19)* / Facella M., Kaizer T. (eds.). Stuttgart, 2010. P. 45–55.
- Hooff A.J.L. van. Ancient Robbers: Reflections behind the Facts // *AS*. 1988. Vol. 19. P. 105–124.
- Hovannisian R.G. The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I. The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century. N.Y., 1997.

- Isaac B.H.* The Meaning of the Terms Limes and Limitanei // JRS. 1988. Vol. 78. P. 125–147.
- Isaac B.H.* The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxf.; N.Y., 1990.
- Isaac B.H.* Empire and Ideology in the Graeco-Roman World: Selected Papers. Cambr., 2017.
- Kehne P.* “Externae gentes” und “Regna intra fines” im Nordgrenzenbereich des Imperium Romanum vom 1. bis zum 3. Jahrhundert: Eine Kritik der Klientelrandstaaten-theorie // Eos. 2000. Vol. 87. S. 311–334.
- Kehne P. Vannius* // RGA. 2. Aufl. B., 2006. Bd. 32. S. 69–70.
- Kennedy D., Riley D.* Rome’s Desert Frontier from the Air. L., 1990.
- Knepppe A.* Die Gefährdung der securitas: Angst vor Angehörigen sozialer Randgruppen der römischen Kaiserzeit am Beispiel von Philosophen, Astrologen, Magiern, Schauspielern und Räubern // Soziale Randgruppen und Außen-seiter im Altertum / Weiler I. (ed.). Graz, 1988. S. 165–176.
- Leon H.J.* The Jews of Ancient Rome. Philadelphia, 1960.
- Lintott A.* Imperium Romanum: Politics and Administration. L.; N.Y., 1993.
- Luther A.* Die ersten Könige von Osrhoene // Klio. 1999. Bd. 81. S. 437–454.
- Luttwak E.N.* The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third. Baltimore, 1976.
- MacMullen R.* The Roman concept robber – pretender // RIDA. 1963. T. 10. P. 221–225.
- MacMullen R.* Enemies of the Roman Order: Treason, Unrest and Alienation in the Empire. Cambr. (Mass.), 1967.
- Madden F.W.* Coins of the Jews. L., 1881.
- Matthews J.* Hostages, Philosophers, Pilgrims and the Diffusion of the Ideas in the Late Roman Mediterranean and Near East // Tradition and Innovation in late Antiquity / Clover F.M., Humphreys R.S. (eds.). Madison, 1989. P. 29–49.
- Millar F.* Rome, the Greek World, and the East / Government, Society, and Culture in the Roman Empire / Cotton H.M., Rogers G.M. (eds.). Vol. 2. L., 2004.
- Newell E.T.* Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts / Numismatic Notes and Monographs. 30. N.Y., 1926.
- Oost S.I.* Cato Uticensis and the Annexation of Cyprus // CPh. 1955. Vol. 50. P. 98–112.
- Pitts L.F.* Relations between Rome and the German “Kings” on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A.D. // JRS. 1989. Vol. 79. P. 45–58.
- Purcell N.* The Arts of Government // The Oxford History of the Classical World / Boardman J., Griffin J., O. Murray (eds.). Oxf.; N.Y., 1986. P. 560–591.
- Reinach Th.* Le mari de Salomé et les monnaies de Nicopolis d’Arménie // REA. 1914. T. 16. P. 133–158.
- Ricci C.* Germani a Roma. Testimonianze epigrafiche romane tra I e III sec. d.O // Polis. 1993. No. 5. P. 205–225.
- Richardson J.S.* Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // JRS. 1991. Vol. 81. P. 1–9.
- Roller D.W.* The World of Juba II and Kleopatra Selene: Royal scholarship on Rome’s African frontier. L., 2003.
- Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the 15th International Congress of Roman Frontier Studies / Maxfield V.A., Dobson M.J. (eds.). Exeter, 1991.
- Shaw B.D.* Bandits in the Roman Empire // P&P. 1984. Vol. 105. P. 3–52.
- Sherwin-White A.N.* Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984.
- Sullivan R.D.* The Dynasty of Cappadocia // ANRW. 1980. Tl. II. Bd. 7.2. P. 1125–1168.
- Syme R.* The Northern frontier under Augustus // CAH. 1934. Vol. X. P. 358–364.

- Syme R.* Tacfarinas, the Musulamii and Thubursicu // *Studies in Honor of A.C. Johnson.* Princeton, 1951. P. 113–130.
- The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars // *Greatrex G., Lieu S.N.C.* (eds.). Part II. AD 363–630. L.; N.Y., 2002.
- Vanacker W.* Conflicts and Instability in Mauretania and Gaius' Realpolitik // *Latomus.* 2013. Vol. 72. P. 725–741.
- Wardle D.* Suetonius' Life of Caligula: A Commentary. Brussels, 1994.
- Wells P.S.* The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped the Roman Europe. New Jersey, 1999.
- Whittaker C.R.* Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore; London, 1994.
- Whittaker C.R.* Rome and its Frontiers: The Dynamics of Empire. N.Y., 2004.
- Whittaker C.R.* Frontiers // *CAH².* 2008. Vol. XI. P. 293–319.
- Whittaker C.R.* Ethnic Discourses on the Frontiers of Roman Africa // *Derks T., Roymans N.* (eds.). Ethnic Constructs in Antiquity: the Role of Power and Tradition. Amsterdam, 2009. P. 189–205.
- Williams J.H.C.* Coinage and Identity in Pre-Conquest Britain: 50 BC–AD 50 // *Coinage and Identity in the Roman Provinces / Hoeghego C.J., Heuchert V., Burnett A.M.* (eds.). Oxf., 2005. P. 69–78.
- Woolf G.* Roman peace // *War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society.* Vol. 5 / *Rich J., Shipley G.* (eds.). L., 1993. P. 171–194.